

Сергей Моронов

Новый 1937

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Моронов

Новый 1937

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Моронов С.

Новый 1937 / С. Моронов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

1937 год. Начало Большого террора. Двое сотрудников НКВД, выполняя служебное задание по разоблачению сектантов, встречаются духовного Учителя. Ничего не подозревающие чекисты, стараниями Учителя, сталкиваются с неопишуемой Силой. Эта встреча становится для них роковой, и вся привычная жизнь начинает неумолимо рушиться. Обо всём этом в книге «Новый 1937». В книге использованы сцены насилия. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Сергей Моронов	5
Никита	7
Воспоминания Никиты, описанные им, после посещения иной реальности.	9
Матвей Фадеевич Синцов	10
Василий Одинцов	18
Матвей Фадеевич Синцов	22
Василий Одинцов	31
Матвей Фадеевич Синцов	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Моронов

История, о которой я взялся рассказать, произошла с моим давним знакомым по имени Никита. По сути это даже не история, а некая обработка записей Никиты, в которых он описал определённый специфический опыт, полученный им при весьма странных обстоятельствах. Возможно, этот опыт был спровоцирован увлечением Никиты некоторыми специальными психотехниками, или точнее одной из них.

Но давайте по порядку. Всё началось в один солнечный июньский день 2017 года. Я шёл по улице Урицкого в своём родном Иркутске и встретил Никиту, которого не видел уже несколько лет. Обнявшись и помахав для приличия руками, мы прошли в одно из многочисленных летних кафе, чтобы выпить немного пивка и вспомнить былое.

С Никитой я был знаком уже лет десять, мы вместе работали в одной крупной компании-ритейлере, где я занимал должность логиста, а он работал ревизором. На момент нашей встречи Никите было уже тридцать шесть лет.

Итак, расположившись за столиком, мы заказали пива и стали вспоминать наш старый офис, полную интриг, и сплетен жизнь, сумасшедшие корпоративы и прочие офисные развлечения. Учитывая, что там мы уже давно не работали, прошлись и по нынешним работникам, которых мы, естественно не знали, но которые были явно не чета нам, таким креативным и весёлым в те стародавние времена. Да, Компания уже не та – окончательно подписали приговор, ничего не подозревающим людям, которые продолжали в ней работать.

Примерно, как раз в этот момент, я стал подозревать что-то не то. Вроде бы передо мной сидел, повзрослевший, но всё тот же ревизор Никита, но одновременно с этим я каким-то другим местом чувствовал, что это не он. Во-первых, он не курил, во-вторых, пиво, как оказалось, он просто цедил, не употребив за всё время и ста грамм. Всё это было очень странно, ведь я знал Никиту совершенно другим, его пристрастие к алкоголю и сигаретам, одно время было темой обсуждения в офисе.

Но всё это блекло перед тем, что я постепенно определил в самом Никите, в его внутреннем состоянии. В его смехе, в его рассказах, репликах и реакциях, я не нашёл ничего, что когда-то делало Никиту героем историй и офисных баек. Раньше это был истеричный холерик, то хохочущий до упаду, то брызгающий слюной псих. Обладающий повышенным чувством справедливости, Никита просто взрывался, когда что-то, по его мнению, нарушало её.

Упрямый и прямой, как танк, всегда имел своё, единственно правильное мнение, которое защищал, вступая в споры, до драки, с поводом и без. Что-то доказать Никите было невозможно. Спорить с ним было не только не просто, но и опасно, в пылу Никита порой просто не контролировал себя и мог наговорить такого, что отношения с ним после этого уже никто из оскорблённых им людей не поддерживал. Вот такой непростой был человек, с которым, тем не менее, я как-то нашёл общий язык.

Сейчас этого Никиты не было. Передо мной сидел спокойный, знающий себе цену человек, которого не интересовали бессмысленные споры. В его словах и шутках не было ни неприязни, ни какого-то превосходства по отношению к другим людям. Его оценки и комментарии, были какими-то лёгкими и не обидными, но быющими в самую суть.

Таким образом, обнаружив все эти изменения, я наел на Никиту и не слезил с него до тех пор, пока он, в конце концов, не сдался, и не рассказал, что произошло с ним. Единственное, чего я не мог добиться от него, это названия той самой психотехники, которая полностью поменяла личность Никиты. Забегая вперёд, скажу, что открыл он мне это самое название и даже подробно рассказал о ней только во время последней нашей встречи. Почему он так поступил, я не знаю, и гадать не буду. Каким-либо образом комментировать эту психотехнику не считаю нужным. Кому надо, то сам всё узнает.

Психотехника, которой занимался мой знакомый Никита, и которая спровоцировала всё то, что стало в итоге содержанием этих страниц, называется «Турбо-Суслик».

Вот что я услышал от моего старого знакомого.

Никита

Всё началось, уже после моего увольнения и компании. Я, как ты помнишь, ушёл с шумом, послал тогда управляющего, написал письмо в головной офис, где всё расписал, все его откаты, с примерами, помнишь же, как у нас прошёл ремонт офиса? Помнишь, кто работал? Одни гастарбайтеры, с их старанием и абсолютным непониманием основ строительства. Это же надо было додуматься, гипсокартон на пол под линолеум класть. Да не важно, всё это. Просто закончилось всё, совсем не так как я ожидал. Вместо того чтобы прислать сюда кого-то для проверки, всё-таки это же их деньги, ничего они делать не стали. Просто попросили меня уволиться, что я собственно и сделал.

Ты не представляешь, как меня рвало на части, после этого. Я не находил себе места. Как же так, думал я? Ведь, я просто хорошо выполнил свою работу, нашёл неоправданное завышение смет, несоответствие тех же завышенных смет, выполненным работам. А в итоге меня ещё и уволили. Это потом я уже узнал, что нарвался на московского начальника, который был в доле с нашим управляющим. Это мне уже много позднее наш бывший «безопасник» рассказал. А тогда, тогда я просто рвал и метал. Кстати, через год их всё же нагнали и нашего управляющего и того москвича.

Потом начались проблемы, я тупо не мог никуда устроиться на работу. Наш «честный» управляющий давал мне такую характеристику, что и в тюрьму бы не взяли. В итоге пришлось идти в шарашкину контору кладовщиком, на мизерную зарплату. В общем, всё было настолько хреново, что хоть в петлю лезь. Денег постоянно не хватало, пошли просрочки по кредитам, постоянные звонки банков и этих коллекторов. Нет, со мной, конечно, такого не было, как по телевизору показывают, меня никто не бил, не угрожал, но эти постоянные звонки с требованием погасить просроченную задолженность, буквально въелись в мой мозг.

Начались проблемы с подругой, её не устраивала моя зарплата, мой образ жизни, я ведь бухать тогда начал, запоев, конечно, не было, но пил часто. Пятница и выходные проходили, как правило, в пьяном угаре. Так мы с ней и расстались, причём со скандалом, я спьяну разбил ей лицо. В общем, чуть дело не возбудили, ограничилось всё пятью сутками в спецприёмнике.

Вот, тогда я и взглянул на себя критически, и понял, что ещё немного и подойду к крайней черте. Депрессия, проблемы на работе и в личной жизни, отсутствие денег, долги, ни друзей, ни приятелей. Всё обрыдло, всё было настолько хреново, что я даже подумывал о самоубийстве. Но пронесло. Пошёл в книжный магазин, хотел купить, что-нибудь почитать, у меня как раз тогда ни компа, ни ноутбука не было. И вот подхожу к разделу «Эзотерика, религия» беру в руки первую попавшуюся книгу, а это как раз эта психотехника и была.

Я это как знак свыше расценил. И ты знаешь, вцепился я в неё, стал вытягивать себя из пропасти, с помощью этой самой техники. И не поверишь, но через полгода жизнь поменялась. Представь, за какие-то полгода я вытащил себя из такой жопы, что и вспомнить страшно. Но моя натура требовала большего, и я уже занялся этим всерьёз. Не буду тебя грузить этими подробностями, но в итоге прозанимался года три, когда первый раз попал туда.

Было это во время работы. Я сидел на своём складе, делать было нечего, наступил обед, и я, оставшись один, сидел за компьютером и тупо раскладывал «косынку». Как это произошло, я сейчас даже и не скажу, просто, неожиданно, я осознал себя висящим, в каком-то неопределённом пространстве Меня, или вернее то, что было мной, окружало однообразное пустое пространство, какого-то неопределённого цвета.

Можно сказать, что всё было скорее серым, чем каким-либо другим, но это также ничего не объясняет. Верха и низа не существовало, точнее не было точки отсчёта, по которой можно было судить о низе или верхе. Всё было одинаково, и все эти стороны существовали относительно меня.

А самое главное, у меня не было мыслей, внутренний диалог отсутствовал и поэтому никаких вопросов по факту моего пребывания там не возникало. Абсолютный покой и абсолютное приятие своего состояния. Никаких желаний, потребностей, ничего этого не было и в помине.

Помню, первое, что заинтересовало меня, было ощущение пребывания в каком-то вибрирующем невидимом потоке, который тёк сквозь меня, заставляя то, что было моим телом или чем-то ещё трепыхаться в этих мягких волнах. Почему-то, заинтересовавшись источником этого потока, мне пришёл образ огромного вентилятора, который дул откуда-то сзади, и который я никак не мог увидеть.

Но как это узнать, было не совсем понятно. Как я ни старался, но повернуться лицом навстречу потоку я не мог. Пока я пытался решить эту непростую задачу, прошло какое-то время. Хотя время так же понятие неверное для того места, времени там не существовало, объяснить это я не могу, но твёрдо это знаю. Повернуться мне всё же удалось, но не так как мы к этому привыкли. Просто я вдруг оказался спиной вперёд, и соответственно, мог уже видеть то, что было сзади.

Как я понимаю сейчас, скорее всего у того меня просто не было привычных частей тела, иначе что было бы сложного повернуть голову.

Оказавшись спиной назад, я был просто поражён. Причём сказать поражён, это не сказать ничего, меня пришибло и размазало то, что я увидел сзади, или точнее не увидел. А не увидел я никакого вентилятора, и это было таким откровением, что всё моё существо наполнилось каким-то благоговейным восхищением. Поток, в котором я «трепыхался» исходил не из вентилятора, он исходил из пустоты, там за спиной не было ничего, там была пустота. Эту пустоту я и ощутил каждой частичкой своей сущности.

Я вернулся вновь в состояние сзади по отношению к течению потока и продолжил плавать в нём. Через какой-то промежуток, моё внимание привлекло ограниченное в размерах пятно какого-то грязного, жёлто-зелёного цвета. Это пятно, или скорее лужа, такой образ мне тогда пришёл, было объёмным и состояло из клубов чего-то, наподобие тумана, которые жили в этой луже своей жизнью, перемешиваясь друг с другом, но, не выходя за её границы.

Местонахождение этой лужи я так же не могу вспомнить, кажется, это было справа сверху по отношению к тому, что было на тот момент моим верхом. Как только эта лужа попала в поле моего внимания, заинтересовав меня, тут же пришёл ответ – это место, из которого мы воспринимаем повседневный, привычный для нас, мир. Следом за ответом, эта лужа втянула меня в себя. Последнее, что я помню, это погружение в эти грязные жёлто-зелёные клубы тумана. «Утонув» в тумане, я вновь осознал себя, сидящим за компьютером и раскладывающим пасьянс.

Что это было за место, и чем являлся в этом месте я, не знаю до сих пор. Несмотря на то, что после этого были ещё посещения этого места, собственно, из которого я и попадал в личности других людей, я до сих пор не знаю, что это. И если есть горячие, всезнающие головы, тут же вешающие ярлыки на то, что находится вне человеческого понимания, я прошу, не торопитесь. Это не мир людей, вот это я могу сказать точно, мир людей это как раз та грязная жёлто-зелёная лужа, что втянула меня в себя и в тот раз, и в дальнейшем.

И ещё одна странность, описывающая то место. Моя память, ни в тот первый раз, ни в последующие посещения, включая мои путешествия в чужих личностях, ни разу не зафиксировала никакого перехода. Имею в виду переход из обычной реальности в то место, и в иную реальность. Таким образом, у меня теперь две памяти, одна обычная говорит о том, что в моём восприятии реальности не существует никаких пробелов, или переходов. То есть в тот самый момент, когда я находился в потоке, или в чьей-то личности, согласно этой памяти я сидел за компьютером, или пил чай в кафе. Другая же память помнит от «а» до «я» все мои путешествия в чужих головах и в том самом месте. Как это объяснить я не знаю...

Воспоминания Никиты, описанные им, после посещения иной реальности.

Я сидел в кафе, когда опять оказался в том месте. Немного повисев в том самом вибрирующем потоке, я был притянут возникшей жёлто-зелёной лужей из клубящегося тумана. На мгновение всё заволгло непроницаемой «грязной» пеленой, а когда туман развеялся...

Матвей Фадеевич Синцов

Крутится, вертится шар голубой,
Крутится, вертится над головой,
Крутится, вертится, хочет упасть,
Кавалер барышню хочет украсть...

Голос Максима, залихватски выводил куплет в моей, ничего не понимающей голове, приглашая всё моё существо следовать этой, чертовски, захватывающей мелодии. «Откуда это?» – спросил я себя, попытавшись разобраться в музыкальном сумбуре. «Откуда? Я ведь и слов не знаю, – недоумение во мне росло, – и кто такой этот Максим?». Постепенно голова начала проясняться. «Так ведь я сплю, – с облегчением подумал я, – А это видимо такой сон». Совершенно случайно, пришло воспоминание, что песню в моей голове напевает Максим, главный герой замечательнейшего фильма «Юность Максима», который я вроде бы смотрел, раз пять, или даже шесть.

Так же внезапно, песня оборвалась, и уже другой голос произнёс: «Папирос бы не забыть». От неожиданности я чуть не подпрыгнул, уловив, при этом, что никак такое действие совершить не могу, потому, как абсолютно не владею своим телом. Сосредоточившись на этом открытии, я ясно увидел, что моё тело двигалось самостоятельно, и в данный момент оно устремилось к табачному ларьку. Голос в голове активизировался вновь, подсчитывая, сколько же купить папирос и на какую сумму.

Табачный киоск выглядел также на редкость странно. Но я решил не обращать на это внимание, как, впрочем, и на отсутствие автомашин на проезжей части, и на странности моего тела, казавшегося каким-то чужим. «Ведь это всего лишь сон», – успокоил себя я...

Неожиданно картинка начала смазываться, всё поплыло перед глазами, и я провалился в непроницаемый туман.

Через секунду-другую туман рассеялся и очутился в просторном кабинете, где человек в полувоенной форме, без погон, с тремя шитыми золотом звездами, в виде треугольника, на рукаве, что-то говорил сидевшим в кабинете мужчинам. Присутствующие также были одеты в какую-то полувоенную форму, без погон, с петлицами и различными нарукавными знаками. Присмотревшись к говорившему, я насчитал по три звезды на полосе в ряд, восседавших на краповых петлицах защитного цвета гимнастёрки. Синие бриджи были заправлены в сияющие и скрипучие сапоги. Сама форма была какой-то праздничной, видимо сшитой на заказ из какого-то очень дорогого сукна.

Мужчина в полувоенной форме, произносивший речь, замолчал, выпил стакан воды из стоящего на столе графина, после чего взял в руки папку и спросил:

– Товарищ Синцов здесь?

Я, опять же без моего участия, вскочил на ноги и уже несколько знакомым мне голосом, произнёс:

– Так точно, товарищ комиссар третьего ранга.

– Значит так, Синцов, – продолжал мужчина, – Тебе поручается проверка по факту взрыва на авиационном заводе. Произошёл он вчера в двадцать три ноль пять. Там уже ведомственная комиссия работает. Сроку тебе два, максимум три дня, разбирайся, что там – опять вредительство, или несчастный случай. Докладывать незамедлительно. Как что прояснишь, сразу ко мне. Сам понимаешь, военный завод, наверняка троцкисты недобитые диверсию устроили. В общем, контроль лично, и всё из этого вытекающее.

Внезапно я «вспомнил», что нахожусь на оперативном совещании, которое проводит начальник УНКВД по Восточно-Сибирскому краю, комиссар ГБ 3-го ранга Зирнис Ян Петрович, что сегодня 8 октября 1936 года. Что присутствую я на совещании в качестве оперуполномоченного экономического отдела УНКВД, что имею звание младшего лейтенанта госбезопасности, что зовут меня Синцов Матвей Фадеевич, что от роду мне 29 лет.

Что последние семь лет жизни я отдал борьбе с врагами Советской власти в этом самом передовом наркомате. Что в обязанности мои входит чекистское обслуживание промышленности города Иркутска, в частности оборонных предприятий, агентурная разработка японо-немецко-троцкистских шпионских групп, проникающих в нашу промышленность и их скорейшая ликвидация...

Неожиданно всё занесло туманом, а когда он развеялся...

Я, а вернее Матвей Фадеевич, прохаживался по цеху авиационного завода, или точнее завода № 125 им. И. Сталина, где вчера вечером прогремел взрыв, превративший в груды искоржженного металла новый бомбардировщик АНТ-40, подготавливаемый к серийному производству.

Младший лейтенант Синцов напряжённо размышлял: «Несчастный случай здесь никак не вырисовывается, как не крути, а это диверсия. А значит, и спрос будет соответствующий. Интересно, что там они сейчас поют?». Под словами «они поют» понималась бригада рабочих, находившаяся в цеху во время взрыва и инженер Гуревский, отвечающий за выпуск бомбардировщика. Все эти люди уже доставлены в Управление, а помощники Матвея Фадеевича, молодые стажёры Ямбаев и Кравченко беседуют с ними о ЧП, пока ещё в мирно-убаюкивающем тоне.

Так учили Синцова, сначала подозреваемого необходимо убаюкать, расслабить, усыпить его бдительность, а уж потом, когда на руках имеются доказательства, колоть, что называется, «по полной». Именно эту установку, и воплощали в жизнь молодые помощники. «Пусть пока наговорят побольше, а вдруг кто и проколетса ещё на первом этапе – не сильно себя, обнадёживая, размышлял младший лейтенант, – А вот приеду, и посмотрим, кто из нас крепче скроен».

Матвей Фадеевич Синцов был в Управлении на хорошем счету. Что ни на есть самого пролетарского происхождения, из бедняцкой рабочей семьи, обладал врождённой смекалкой и крепкой рабочей хваткой. Как никто другой, знал потайные струнки чужой души, умел втереться подозреваемому в доверие, стать его лучшим другом, врать которому было просто невозможно. А если уж случалась необходимость, то мог и приложить, как следует, чтобы не возникало вредных мыслей скрывать правду от следствия. На счету младшего лейтенанта были десятки разоблачённых вредителей, троцкистских нелюдей, гадивших стране, устраивавших диверсии на предприятиях, саботирующих неуклонное движение вперёд к светлому будущему.

Особенно Синцову, не давала покоя троцкистская клика. Эти вырождающиеся человечества, пошли на самое гнусное предательство, они спелись, с набравшим силу в фашистской Германии, Гитлером и строили коварные планы по свержению в СССР рабоче-крестьянской власти, убийству самого товарища Сталина. Не раз и не два Матвей Фадеевич мечтал, что ему всё же попадётся какой-нибудь законспирированный троцкист, ставший подлым фашистским шпионом, и он, разоблачив этого врага, выйдет на настоящую фашистскую шпионскую сеть, возьмёт за жабры резидента и тогда...

Мечты уносили Синцова прочь из реальности. Вот он хватается фашистского резидента.... Вот, он колет его, что называется «до жопы»... Вот, арестовывает всю шпионскую сеть.... Вот, эти мерзкие наймиты лгут, изворачиваются.... Вот, он прижимает их, заставляет сознаться.... Вот, Военная коллегия выносит свой суровый, но справедливый приговор.... Вот, Матвей Фадеевич представлен к правительственной награде и товарищ Калинин, в Москве, лично вручает ему орден...

Грёзы младшего лейтенанта, были прерваны неожиданным появлением перед ним некого субъекта, в виде женской особи лет двадцати пяти, с тревожно бегающими глазками и причёской «а-ля Любовь Орлова». «А, что, ничего так себе...», – было первое, что пришло в голову Синцову. Вовремя одумавшись и стряхнув непрошенные неприглядные мысли, Матвей Фадеич устремил на незнакомку вопросительно-требовательный взгляд.

– Вы уполномоченный НКВД, который взрывом занимается? – спросила девушка.

– Да, а кто вы?

– Я Нина, секретарь товарища Горелица, у меня к Вам секретное дело, чтобы никто не узнал.

Матвей Фадеевич, вместе с таинственной Ниной, отошёл в сторонку и, не перебивая, довольно спутанную речь, услышал от секретаря директора завода следующий рассказ:

– Вы только не подумайте, что я отомстить хочу. Совсем не то, даже наоборот, я девушка советская, комсомолка, мне все эти ухажёры, охи да ахи не так важны, как процветание нашей Родины. Я не какая-нибудь легкомысленная, я знаю, что мы в кольце врагов, что на нас готовят нападение империалисты, хотят забрать наши фабрики и заводы, но мы не позволим, правда, ведь?

– Да что это я – продолжила Нина, – Так вот, за мной тут ухаживал Михаил Родионович, ну инженер Гуревский, знаете там, всякие цветочки дарил, конфеты, в кино пару раз приглашал. Нет, вы не подумайте, я ни-ни с ним, ну так целовались пару раз и всё. Он такой, знаете, обходительный был, всё стихи читал какого-то Фета, но мне не очень понравились, я больше пролетарских поэтов люблю. Жениться обещал, даже свататься собирался, а тут его как подменили. Перестал вообще со мной разговаривать, при встрече кивнёт, и всё, уходит. Я к нему за разъяснением, значит, а он в кусты.

– А давеча, мне Любка из конструкторского шепнула, – голос Нины стал тише, оглянувшись по сторонам, она продолжила, – Что Гуревский значит, к этой актрисочке зачастил. Ну, к этой, как её, песни всё поёт. У нас на заводе уже раз пять выступала. Анна Романовская, вот! А живёт она, значит, на улице Марата, а муж её какой-то иностранец, не то немец, не то румын. Так вот у неё там вечеринки всякие и наши заводские к ней ходят, ну инженера, конечно, не работяги же. А тут этот взрыв, я и подумала, раз муж-то иностранец, мало ли чего могло быть. Нет, сама-то я там не была, но Любка всё верно пересказала. Может и Вам чего пригодится.

Синцов не верил своим ушам, вот так подошла девчуха и такой след дала. Наскоро поблагодарив добровольную помощницу, и договорившись о новой встрече, Матвей Фадеевич затопился в Управление...

Снова затуманилось, картинка поплыла и я, вновь, провалился в непроницаемый туман.

Когда туман рассеялся, я обнаружил, что Матвей Фадеич сидел в следственном кабинете, напротив, тщедушного мужчины в очках, который без конца теребил свои руки и что-то мямлил о своей полной непричастности к взрыву на авиационном заводе. Инженер Гуревский, заикаясь от страха, пытался донести до ушей грозного следователя, что причина взрыва – это грубое нарушение норм безопасности, о которых он неоднократно докладывал Абраму Григорьевичу – директору завода, но всё впустую. Синцов молчал и пристально смотрел в лицо инженера.

Его мысли при этом находились далеко от происходящего. Матвей Фадеевич размышлял, как поступить с Ниной. С одной стороны Нина ему понравилась, как женщина, и он был бы, не против, вступить с ней в более интимную связь. С другой стороны, Нина прямо «протиснулась» в его агентурную сеть, и могла бы стать отличным осведомителем, под разработку самого директора завода. А это уже был уровень повыше обычных вредителей, или троцкистских недобитков из числа интеллигенции. Размотать директора оборонного завода, это было и

престижно и довольно сложно, за ними обычно стояли их наркомы. «Так что голыми руками Горелица не возьмёшь», – думал Синцов, нисколько не сомневаясь в том, что за Абрамом Григорьевичем водятся грешки.

Самого инженера и его блеяние, он просто не воспринимал. Прошло ещё минут двадцать, лепет Гуревского становился всё тише и тише. Что-то щёлкнуло в голове Матвея Фадеича и тот, уже всерьёз всмотревшись в лицо инженера, понял, что всё, пора. Все сомнения были отброшены, и оперуполномоченный Синцов, резким неожиданным криком, прервал стихающий монотонный лепет инженера.

– Ах ты, сука! Овцой прикидываешься! Говори падла, правду, с кем самолёт взрывал! – орал уже пунцовый Синцов.

Подскочив к инженеру, Матвей Фадеич со всего размаху залепил пощёчину по наглой роже, от чего очки отлетели прочь, со стуком разбившись о стену, а кровь тонкой струйкой побежала вниз по подбородку.

Всё, маски были сброшены, перед младшим лейтенантом сидел враг. Это недобитое отребье начало верещать, что оно советский человек, что будет жаловаться самому Разумову в крайком, что даром это Синцову не пройдёт. Матвей Фадеевич, удовлетворённо крикнул, и с нескрываемой издёвкой в голосе, произнёс:

– Что гнида, гадюка подколотная, выпустила своё жало, ты тварь не советский человек, ты враг, а с врагом у Советской власти разговор короткий, но жёсткий, ты у меня падла кровью будешь ссать, пока всех своих подельников не вспомнишь. Говори сволочь, кто ещё входил в вашу вредительскую шайку.

Конечно, при иных обстоятельствах Синцов, не стал бы так откровенно нарушать социальную законность и применять при первом же допросе рукоприкладство, за которое, кстати, мог и действительно, ответить. Но здесь была иная ситуация, во-первых, дело весьма щекотливое, всё-таки взрыв на военном заводе, во-вторых, Матвей Фадеевич уже обладал изобличающими данными, которые ему преподнесла Нина, в-третьих, промедление могло ему самому стоить карьеры, с вытекающими отсюда крайне нежелательными последствиями. Так что особо выбирать не приходилось.

– Ну что, вспомнил? – уже более спокойно спросил Синцов совсем потерявшего весь свой благообразный облик инженера.

Тот сидел на краюшке стула и качался взад-вперёд, закрыв голову руками.

– Может ты и певичку свою забыл, а? Вспомнил? Анну Романовскую? Вспомнил? Дом на Марата? Застолье? Муж иностранец? Вспомнил? Что молчишь, гнида? Выродок троцкистский, как к стенке поставят, вот тогда запоёшь. Мало вас вредителей уничтожают. Жить хочешь, тварь? Говори тогда!

– Я... я... я всё скажу, всё скажу... Я жить хочу, обещайте товарищ следователь, обещайте жизнь, я всё скажу.

– Какой я тебе гнида товарищ? Ты что, умом тронулся? Для тебя я гражданин, а товарищи твои все в лагерях сидят, кому повезло, конечно! Давай колись, пока ещё слушаю.

И сломленный, как-то враз постаревший на добрых десять лет, инженер Гуревский начал свой рассказ:

– Видите ли, я работаю на заводе с самого начала, ещё при Ирьянове устроился. У меня, знаете ли, опыт, авторитет, положение, а тут назначили этого Абрашу, тьфу, ничего не понимает, всё свои лозунги только кидает. Не слушает ничего ведь, чуть что, в крик, план у него, социобязательства, а я инженер, я инженер с большой буквы, со мной нельзя так, со мной надо уважительно, с пониманием, тем более перед рабочими. У меня ведь высшее образование, да я книг больше прочитал, чем весь завод вместе взятый. Я стихи наизусть знаю, я грамотный образованный человек, понимаете, о чём я? Я не могу вот так терпеть выходки этого неуча, этого деланного инженера. Инженер это призвание, это судьба, а этот...

– Ну, хватит причитать, по делу давай, – подстегнул инженера Синцов.

– Да, ага, по делу. Ну, в общем, достал он меня, сил нету. А тут еще при Ниночке допустил себе нелицеприятное высказывание в мой адрес. Нина это секретарь его, хорошая девушка, светлая, нравилась она мне. А он при ней и такое! Такую гадость сказал, не могу повторить даже, увольте, не могу.

– Не отвлекайся, продолжай, – вновь рыкнул Матвей Фадеевич.

– Так вот, такая меня тоска взяла, что решил я с горя напиться. Понимаете? Довёл он меня до этого, своим отношением, своими оскорблениями довёл. И вот сижу я в закуской, ну той, что на Марата. Выходной же был. Так вот, и подходит ко мне та самая Анна, красивая, умная женщина. Тут же определила мой настрой и приласкала меня словами, притянула к себе своей человеческой душевной добротой. Так я полюбил её за это всем сердцем, стал её страстным почитателем, был введен в её, так сказать, ближний круг, представлен друзьям и мужу... – инженер на секунду замолчал, утратив нить повествования, устремил взгляд куда-то в небо, но тут же продолжил:

– Там, много кого было, с нашего завода инженер Сальников, ещё инженеры Смирнов и Воронович с завода Куйбышева, да много кого, военные были, артисты. Если надо, всех могу указать, всех до единого, мне скрывать нечего. Так вот, отдохнул я там и душой и телом, поделился своими горестями. А тут, как-то, ко мне муж Анны подходит. Он ведь хоть и немец, но по-нашему говорит лучше иного ответственного товарища. И вот, говорит, что, мол, все твои беды знаю, нельзя это так оставлять, отомстить Горелицу надо, восстановить, так сказать справедливость. И убедил ведь меня чёрт окаянный, искуситель подлый...

– Продолжай, я слушаю.

– Так вот, о чём я? Да, и ведь уговорил он меня, уговорил. Дал мне порошок какой-то и говорит, ты в горячее бомбардировщика добавь, тогда двигатель не запустится, начнут выяснять что, да как, план сорвётся, и Горелицу твоему долго в кресле не усидеть, снимут. Не знал я, что такая беда выйдет, не знал. Думал, ну не запустится двигатель, ну создадут комиссию, ну начнут выяснять, для вида погрозят, на этом всё и закончится. Кто же знал, что так получится, кто знал – запричитал инженер.

– А ведь этот Рудольф и говорил мне, что ты, мол, никому ничего не говори, чего бы ни было. А про меня, говорит, вообще ни в коем случае не упоминай, иначе плохо всё для тебя закончится. Как же так... как же так...

Инженер Гуревский, вновь начал раскачиваться и подвывать. «Как собака, что смерть учуяла» – пророчески подумал Синцов. «Теперь всё это в протокол, а самому к Зирнису на доклад», – потирая руки, Матвей Фадеевич был готов к решительным действиям...

Опять опустился туман, картинка потускнела и размылась. Когда разъяснилось, я вновь был на месте.

Всё та же допросная. Матвей Фадеевич сидел за столом, а напротив него жала на табуретке, некогда восхитительная, обворожительная звезда сцены Анна Григорьевна Романовская. Сейчас она более напоминала растрёпанную, безродную дворняжку, загнанную в угол, и смирившуюся с уготованной ей трагической участью. Анна Григорьевна, медленно, с невольными паузами и периодическим всхлипыванием изливала свою чёрную душу, осквернённую предательством Родины.

– Я ведь, когда познакомилась с Рудиком, ну с Рудольфом, то совсем потеряла голову. Такой мужчина, статный, сильный, обворожительный. Он всем своим видом излучал уверенность, какую-то высшую безгрешность. И, конечно, силу. От такого я не могла не потерять голову. Ах, как он ухаживал, как ухаживал. Это был рай на земле, я вся трепетала, ожидая очередное свидание. Ах, эти цветы, ах, эти подарки. Эти заграничные чулки, бельё, платья

и шляпки. Рудольф буквально одел меня с ног до головы, окутал меня своим вниманием и любовью. Я сдалась быстро и стала полностью принадлежать ему. А тут он предложил стать его женой. Я была просто на седьмом небе. Мы расписались стали жить вместе, и вот тут пришло прозрение, но было уже поздно.

– Что за прозрение? – с трудом скрывая презрение и ненависть к этой гадине, гаркнул Синцов.

– Всё началось с того, что Рудик, простите Рудольф, сославшись на то, что ему чрезвычайно скучно, предложил создать у нас дома, что-то вроде клуба по интересам. У меня ведь масса поклонников, там и инженеры, и военные, даже с райкома ответственные товарищи есть. Ну, вот Рудольф и предложил приглашать их к нам домой, где петь, разговаривать, играть в фанты, и всё под музыку, под рюмочку. И даже денег на это всё давал и в немалых, заметьте, количествах. И полетела весёлая жизнь. Но всему приходит конец, закончилось беззаботная жизнь и для меня.

– Что же произошло? – уточнил Матвей Фадеич, еле сдерживая себя, чтобы не схватить эту подлую тварь за волосы и не начать вбивать её испуганное лицо в твёрдую поверхность стола. Он ненавидел эту женщину, которая раздвинув ноги перед шпионом, уже потянула за собой в могилу многих, в общем-то, неплохих советских граждан.

– Однажды Рудольф сказал, что необходимо, чтобы на очередном мероприятии, а он именно так называл наши посиделки, присутствовали инженеры Смирнов и Воронович, те, что с завода Куйбышева. А я как раз была в ссоре с Вороновичем и их не пригласила. Вечер и без них прошёл замечательно и я вся в таком игривом настроении, оставшись вдвоём с Рудольфом, стала шутить и смеяться, заигрывать с ним. И тут, мой обворожительный Рудольф превратился в злобное животное, ударил меня по щеке, а пока я приходила в себя от немыслимого унижения, сообщил, что он иностранный шпион. Да, он так и сказал, что прибыл к нам из-за рубежа с одной единственной целью навредить нашей любимой Родине. Дальше больше, он сказал, что я, как его жена, являюсь пособницей шпиона, и что меня ожидает неминуемый расстрел, если кто-либо про это прознает.

– И что же ты ему на это ответила? – с нескрываемой издёвкой спросил Синцов, что есть силы, сжимая в руке край стола, как бы вымещая на нём душившую его ненависть.

– А что я, что я, я испугалась, – захныкала Романовская, – Я была напугана, меня заставили, он вынудил меня, мне пришлось...

– Что пришлось? А ну говори, хватит тут комедию ломать!

– Мне... мне... мне пришлось смириться, мне пришлось выполнять его поручения, но я была против! Я не могла сказать в открытую, но в душе я была против...

– И что же ты, тварь, делала? – с нарастающей угрозой в голосе, прорычал Синцов.

– Не надо так со мной, пожалуйста, пожалейте меня, мне так тяжело, мне так больно, – хныкала Романовская.

– Это не тебе решать шлюха фашистская, говори падаль, пока не зашиб! – заорал взбешённый Матвей Фадеич.

– Я... я... я выполняла всё, что он скажет, я приглашала людей, на которых указывал Рудольф, я поила их и заводила разговоры о работе, я обманывала их, выводила секреты. Я поступала очень плохо, прошу Вас, простите меня, пожалуйста, – рыдания Романовской переросли в протяжный вой.

– Заткнись шлюха, – заорал Синцов, врезав, что есть силы кулаком по столу.

– Что теперь со мной будет? Меня расстреляют, да? – причитала бывшая звезда.

– Заткнись, вот тебе лист бумаги, бери и пиши список всех наших советских граждан, которых ты заманила в свои фашистские сети. Пиши всю правду, тогда, может быть, я попробую сохранить твою паскудную жизнь, – Матвей Фадеич вызвал стажёра Кравченко, приказав тому остаться с Романовской...

Вновь был туман. Когда он рассеялся, я оказался в какой-то квартире.

Матвей Фадеич лично руководил обыском в квартире гражданки Романовской. Здесь же находился задержанный Рудольф Мюллер, немец по происхождению, и резидент фашистской шпионской сети по призванию. Хитрить Синцову особо было нечего, и, глядя в глаза Рудольфу, он изложил всю информацию о его шпионско-диверсионной деятельности, которой уже располагал к настоящему времени. Матвей Фадеич с нескрываемым удовольствием, наблюдал, как меняется лицо фашистского резидента, как слетает с него вся его буржуазная спесь, как в глазах мелькает испуг, как руки шпиона начинают мелко дрожать, а испарина покрывает бледный, как у покойника лоб.

Господин Мюллер подавленно молчал, стреляя в разные стороны настороженно-испуганным взглядом. Молчал он как раз до того момента, пока не был вскрыт подоконник и извлечён на свет божий завернутый в тряпку свёрток. Глазам Матвея Фадеича открылись все шпионские тайны господина Мюллера – пистолет иностранного производства, бутылёк с ядом, специальная шпионская фотоаппаратура, какие-то микроплёнки, блокноты с шифрами. Молчать дальше было бессмысленно, и Рудольф Мюллер произнёс:

– Я всё скажу, пишите. Я немецкий разведчик, направлен в вашу страну с заданием вербовки служащих военных заводов, командиров красной армии. В мои задачи так же входило установление связи с троцкистским подпольем, организация диверсий на промышленных объектах, в том числе и на военных заводах. С августа тридцать пятого по сегодняшний день, мною завербованы: два командира красной армии, их фамилии...

Опять пришёл туман, укрывший всё в непроницаемо жёлто-зелёный цвет, когда в очередной раз всё развеялось, я оказался в какой-то другой квартире.

Матвей Фадеевич Синцов сидел за столом в прокуренной комнате, числящейся как конспиративная квартира УНКВД, снятой специально для встреч оперсостава с агентурным аппаратом. Было пять часов утра первого января нового 1937 года.

Матвей Фадеич опрокинул в себя очередной стакан из опустевшей поллитровки, возвышавшейся на столе среди нехитрой закуси. Засмолив папироску, младший лейтенант Синцов погрузился в тяжёлые размышления:

«Да, – вздыхал он, – всё пошло как-то не так. Такую делюгу поднял, таких карасей прищучил. Да что карасей, настоящую щуку словил, это ж не просто так, это ж натуральный шпион из абвера попался, да как попался, ведь любо-дорого посмотреть и все доказательства налицо. А сколько врагов вместе с ним потянул, это ж два командира, четыре инженера, пятеро рабочих, даже один выпердыш с райкома, а сколько этих артистиков, это ж человек пятнадцать скрытых троцкистов – перечислял Матвей Фадеевич. А пособники, типа этой курвы Романовской, это ж, в общем-то, числе – человек двадцать пять под суд пошли. Это ж целая шпионская сеть, террористическая организация, это ж понимать надо».

Синцов слил остатки водки в стакан, и с нежностью поглядел на Нину, прикорнувшую на кровати, затем вновь завздохал, жалуясь на свою судьбу:

«А что в итоге? Товарищ Синцов раскрыл шпионскую сеть и награждается денежной премией. Даже «почётного чекиста» суки не дали. Нет, ну ни гад ли этот Зирнис, сам в Москву перевелся, небось, ещё и орден за моё дело получил. А я тут прозябай, никакого почёта, никакого уважения, что работал, что не работал. Обидно, до чего же обидно. Ну, ничего я своё ещё возьму, не такой Матвей Фадеич породы, чтобы вот так всё стерпеть и отступить. Я ещё всем докажу, ещё все увидят, что не лыком я шит, ещё попомнят меня, мой железный харак-

тер. Новый тридцать седьмой на дворе, чую, что будет он годом новых возможностей, новых свершений»...

Туман вернул меня в привычную реальность, где я сидел в кафе, потягивая горячий чай. Никаких сбоев, пустот или переходов, моя обычная память не зафиксировала.

Всё началось, как и в прошлый раз. Я опять сидел дома, смотрел телевизор. Шёл сериал «Ментовские войны». Главный герой Роман Шилов, как раз прощался со своим другом:

– Увидимся.

– Куда...

...Я оказался в сером пространстве, где повисев в вибрирующем потоке, был, втянут грязной жёлто-зелёной лужей...

Василий Одинцов

Повсюду были красные флаги, транспаранты и портреты членов Политбюро. Дружный трудовой коллектив авиационного завода № 125 имени И. Сталина возвращался домой с празднования девятнадцатой годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции. Настроение было праздничное, сначала участие в общегородской демонстрации, затем бурные ораторские речи об успехах в индустриализации, о соцсоревновании, о досрочном выполнении пятилетки. Грозные предупреждения врагам народа, империалистам и разным агрессорам. Дух рабоче-крестьянской революции витал в воздухе, поднимал боевой дух комсомольцев, спланивал ряды коммунистов. Воодушевлённая рабочая молодёжь с песнями расходилась, разделяясь на мелкие и устойчивые компании близких по духу друзей.

Сегодня меня звали Василий Одинцов, именно в нём я «очнулся», когда жёлто-зелёный туман выплюнул меня в очередную реальность.

Василию Одинцову было девятнадцать лет. Активный общественник, член комитета комсомола завода. Василий днём работал учеником токаря, а вечерами постигал науки на рабфаке. Готовился поступать в Сибирский финансово-экономический институт.

Вообще у Одинцова была другая мечта. С детства, одухотворённый подвигами Шерлока Холмса, Василий мечтал стать таким же великим сыщиком, распутывать сложные клубки преступлений, выводить на чистую воду матёрых воров и убийц. В своих мечтах Вася Одинцов, отслеживал злоумышленников в засадах, стрелял по врагам в опасных погонях, находил невидимые другим улики, раскалывал кровожадных бандитов. Но мечта так и оставалась мечтой.

– Вася, не забудь, в понедельник заседание комитета, будем разбирать дело Поповой, – секретарь комитета комсомола завода Еремеев, пожал руку Одинцову и побежал по своим делам.

– Хорошо, буду, – еле успел ответить убегающему комсору Василий, и приобняв двух дружков, двинулся праздновать дальше.

Туман стёр картинку, а когда марево распалось, моему взору открылся новый вид.

Заседание комитета комсомола проходило 9-го ноября 1936 года в актовом зале авиационного завода, было расширенным, с участием комсомольцев, которых набилось в помещении порядком.

За столом, покрытым кумачовым полотном, сидели члены комитета, здесь же был и Василий Одинцов. Слушалось персональное дело комсомолки Поповой Нины, работавшей секретарём товарища Горелица – директора авиационного завода. Секретарь комитета Еремеев вызвал Попову на сцену и, глядя прямо в глаза, предложил изложить суть собравшимся товарищам.

Нина, повернувшись в зал, и, переминаясь с ноги на ногу молчала.

– Что же ты молчишь, Попова? – спросил Еремеев.

– А что сказать-то? – в ответ спросила Нина.

– Ты сама не понимаешь, что ли, расскажи о своей связи с врагом народа Гуревским, надеюсь, помнишь такого?

– Так, какая же здесь связь? – искренне удивилась Нина, – Ну, пытался он за мной ухаживать, разве это связь?

– А, что же это, по-твоему? – вклинился Василий Одинцов.

– Не знаю, но не связь, это точно, – парировала Нина.

– Нет, погоди, что значит, не знаю. Ты с ним встречалась?

– Ну, может, и было пару раз.

– В кино ходила?

- Ну, ходила.
- Гулять вместе, гуляли? Цветы дарил? Стихи читал? – не унимался Василий, – Отвечай, чего молчишь.
- Да, – Нина потупила взор, – Было.
- Домой провожал? Целоваться лез? Может до чего и большего дошло, а? – решительно наступал Одинцов.
- Да как же тебе не стыдно, такие вопросы девушке прилюдно задавать?! – Нина стала пунцовой, задыхаясь от возмущения.
- А чего мне-то стыдиться, я с врагами не слюнявился, – под общий хохот зала ответил Василий.
- Ты если уж попалась, то давай не юли, а говори, как есть, мы тут все комсомольцы, нам правда нужна, какой бы горькой она не была. Мы в своих рядах предателей не потерпим. Любого врага на чистую воду выведем. Правда, ребята? – обращаясь к залу, спросил Василий.
- Да, верно говоришь, товарищ Одинцов, в корень зришь, – одобрительно гудели комсомольцы.
- Вот видишь, Попова, народ требует от тебя правды. Ты должна здесь, сейчас же разоружиться, очиститься от налипшей на тебя грязи, – добивался признания Василий.
- Ну, что же вы товарищи, не скрываю я ничего от вас, что было, то и говорю, да ухаживал, да гуляли, да целовались пару раз и всё. Ничего больше не было! – Нина, еле сдерживалась, чтобы не разреветься.
- Вот тут тебе и вопрос, как же ты врага-то не разглядела? А может всё видела, но промолчала? Может ты врага покрывала? – с напором допрашивал Попову Одинцов.
- Да, что ж ты опять на меня напраслину-то возводишь? Да если, хочешь знать, это я сама в органы о нём сообщила! Это я можно сказать его, и разоблачила! – защищалась Нина.
- Что, значит, сама разоблачила? Не было на этот счёт никаких указаний. Не тронули тебя органы это, да. Но вот то, что ты кого-то разоблачала, это ты врёшь, – возмутился Еремеев.
- Да не вру, правда это, – уже не сдерживаясь, зарыдала Нина.
- Всё с тобой ясно, Попова, спелась с врагами, а когда пришло время ответ держать, так тут же в кусты, мол, знать ничего не знаю, мол, следствию помогала. Не выйдет! Ответ держать всё равно придётся, пусть не перед народным судом, но перед комсомольской организацией, это уж точно! – резюмировал допрос Василий.
- Товарищи, думаю, Попову мы послушали, позиция её нам ясна. Кто хочет что сказать, выходи к нам, – скомандовал Еремеев.
- Товарищи, я хочу высказаться, – Любовь Казанцева из конструкторского бюро подняла руку, – Я с места, можно?
- Я, что хочу сказать, я ведь предупреждала тебя Нина, насчёт Гуревского. Я же говорила тебе, что он связался с какой-то дурной компанией, встречается с разными там певичками и прочим несознательным элементом. Что же ты меня не послушала? Не приняла никаких мер, а?
- А что... Что я должна была предпринять? – рыдала Нина.
- Да, что там говорить, гнать её из комсомола надо, под суд её отдать, и делу конец, – кричали из зала горячие головы.
- Правильно, под суд её! Ишь, выискалась тут, проشمандовка, врагам ты свою честь продала!
- Давить таких надо, ещё в утробе!
- Да что с ней разговаривать, к стенке её!
- Что смотришь, вражина? Совсем совесть потеряла!
- Тихо товарищи, тихо! Ну что Попова, есть, что сказать собранию? – Еремеев пристально посмотрел на Нину.

Нина, уже еле державшаяся на ногах, только замотала головой и что-то промычала в ответ.

– Давайте я скажу, – встал Василий, – С судом мы конечно подождём, если бы наши доблестные органы хотели, давно бы её арестовали. Раз отпустили, значит так и надо, не нам решать. А вот насчёт комсомола, тут ты Нина допустила непростительную близорукость, проглядела врага, не заметила его звериную сущность.

– И нет тебе в этом прощения, – продолжал он, – предлагаю из комсомола Попову Нину исключить, с формулировкой: за связь с врагом народа.

– Принимается, кто «за» прошу голосовать, – Еремеев окинул взглядом зал.

– Кто «против»? Воздержался? Что ж принято единогласно.

– Так же, считаю необходимым поставить вопрос перед товарищем Горелицем о пребывании Поповой на военном заводе. Кто «за». Принято единогласно. На этом считаю собрание закрытым.

Туман скрыл от меня это жестокое судилище, а когда развеялся, то я с Василием Одинцовым пребывал в кабинете первого секретаря райкома комсомола.

Первый секретарь райкома комсомола Видякин Егор пригласил войти пришедшего на приём Одинцова Василия, молодого рабочего, общественника, комсомольца, члена комитета комсомола авиационного завода.

– Здравствуй, Василий, как дела на заводе? Как комсомольская жизнь? Кипит, бурлит?

– Здравствуй, товарищ Егор, всё путём! Работаем ударно, по-комсомольски, стыдиться за нас уж точно не придётся! Боремся с казёнщиной, с бюрократией и прочими пережитками!

– Ну, уж, на военном заводе и бюрократия? Как такое может быть?

– А как же, директор у нас краснознамённый, боевой, настоящий коммунист, а вот инженера подкачали. Всё по бумажке, никакой инициативы, рубят все наши начинания на корню. Мы уж этот вопрос, где только не поднимали, а всё одно толку нет.

– Инженеры, говоришь, создают помехи производству? Не дают нормально работать? Интересно, а кто конкретно, фамилии есть?

– Так, а что фамилии, любого бери, всё одно бюрократы. Ни стахановского почина, ни настоящего соцсоревнования, всё как-то однообразно, что ли, без комсомольского прорыва.

– Ты вот, что, свои соображения по инженерам на бумаге изложи, чтобы с фактами, фамилиями, а я со своей стороны обещаю разобраться, а если потребуется, и органы подключу. Договорились?

– Договорились, товарищ Егор, сделаю.

– Ну, ладно, теперь к делу, я ведь тебя вызвал-то зачем. Есть к тебе комсомольское поручение, задание можно сказать.

– Любое задание райкома готов выполнить, товарищ Егор.

– Так уж и любое? Ну ладно, томить не буду, сразу говорю, задание архиважное. Хотим мы тебя Василий в органы рекомендовать, да не куда-нибудь, а в УГРО, на борьбу, так сказать, с преступным элементом. Как ты на это смотришь?

– Да, я прямо и не знаю, что сказать, – растерялся Василий, хотя сердце его забилося часто-часто – детская, почти забытая мечта, начала сбываться.

– Ну, что ты, заладил «не знаю, что сказать». А вот, как про тебя говорят – чистый следователь, на персональных разборах, лучше тебя никто виновных не опрашивает, в корень, говорят, зришь, или врут?

– Наверное, им видней, я просто до истины хочу всегда докопаться, выяснить, как мог наш советский гражданин встать на скользкую дорожку. Тут, да, спорить не буду, есть у меня такая черта.

– Вот, видишь, значит и вправду нужно тебе профессию менять. Значит решено. Идешь работать в УГРО по комсомольской путёвке.

– Так точно, товарищ Егор, иду!

– Ну, вот и отлично, давай, решай все дела, закругляйся, недели тебе хватит? Нет, ладно, две недели тебе сроку и пятого апреля, в понедельник выходи на стажировку в УГРО.

Жёлто-зелёная субстанция поглотила кабинет первого секретаря, а когда рассеялась, картинка была уже другой.

5 апреля 1937 года стало незабываемым и поистине важнейшим днём. Василий Одинцов находился в кабинете начальника РО НКВД старшего майора милиции Сергеева. Ефим Степанович только, что поздравил Василия с началом работы в уголовном розыске, пожал руку и произнёс напутственную речь.

– Ты, Одинцов, пришёл работать не просто в милицию, ты попал на передовую, на передний край. Уголовный розыск – это лучший из лучших отрядов нашей Советской милиции, призванный беспощадно бороться с врагами нашей Советской власти. Да, воры, бандиты, убийцы и прочее жульё, это враги! Совершая свои подлые преступления, они не только бьют по нашим советским гражданам, они бьют по нашему рабоче-крестьянскому строю, они вселяют неверие и страх в сердца людей. Как же так, – рассуждают наши граждане, почему нас обворовывают, почему лишают честным трудом заработанной копейки. Куда же смотрит Советская власть? Почему она нас не защищает? – вопрошал Сергеев.

– И некоторые слабые люди, обыватели, начинают всерьёз думать о беззубости нашей Советской власти, о нерешительности Партии, о том, что не той дорогой мы идём. Понимаешь о чём я, Одинцов? Вот так это происходит. Любой, оставшийся безнаказанным жулик, наносит непоправимый ущерб репутации и милиции, и Партии, и Советскому строю. Отсюда следует, что всякое преступление, каким-бы оно ни было, должно быть раскрыто, преступник найден и отдан под суд. А уже наш справедливый народный суд разберётся и воздаст должное любому врагу. Только так и никак иначе! И ещё, Одинцов, работая на переднем крае борьбы с преступностью, ты будешь постоянно сталкиваться с людьми, с нашими советскими людьми, – Сергеев поднял указательный палец вверх и выдержал многозначительную паузу.

– Всякое может быть, по-разному судьбы складываются, бывает и ошибки случаются. Но запомни раз и навсегда – никогда, не забывай, что ты неотъемлемая часть этих людей, сын трудового народа, которому даны ни с чем несравнимые права и власть. Нельзя быть равнодушным к судьбам людей, и если ты столкнёшься с несправедливостью, ты должен, не взирая ни на что, ни на какие обстоятельства, восстановить эту нарушенную, кем бы ни было, справедливость. Понял? В лепёшку разбиться, но честное имя советского гражданина, ты просто обязан защитить...

Туман втянул меня обратно и я, вновь, плавал в вибрирующем потоке. Снова появилась жёлто-зелёная лужа, втянула меня в себя, а когда развеялась, то я оказался дома, перед телевизором:

– ...денемся, – ответил Шамангалиеву Шилов

Сериал продолжался с той самой секунды.

С последнего путешествия прошло больше месяца. Я уже стал беспокоиться, что всё закончилось, но нет. Как-то сидя в офисе, задумался и, неожиданно, оказался висющим в серой пустоте. Появившаяся «лужа» втянула меня и...

Матвей Фадеевич Синцов

Пронзительный звон будильника ворвался в жёлто-зелёную пелену, разметал непроницаемые ключья тумана по стенам, потолку, предметам неприхотливого домашнего обихода.

Я обнаружил себя в Матвее Фадеевиче, которого пронзительный механический враг вырвал из лап Морфея и с силой зашвырнул в убийственно отвратительное утро. Голова Синцова напоминала тяжёлый чугунный колокол, по которому, что есть силы, молотили какие-то черти, вызывая приступы боли и тошноты. Матвей Фадеевич сидел на кровати и пытался вернуться в реальность, понять, в конце концов, кто он и, что он делает в этом аду, где каждое движение приносит боль.

Постепенно Синцов приходил в себя, вспоминая вчерашние события, породившие сегодняшнюю утреннюю пытку. Вчера он, с проверенными товарищами, обмывал своё новое назначение и очередное долгожданное звание. Память вернула Матвея Фадеевича в более благоприятное положение, несколько облегчив невыносимую головную боль. Итак, на кровати сидел – врид начальника 4-го отдела УГБ НКВД по Восточно-Сибирской области, в звании лейтенанта госбезопасности. Собравшись с силами, Синцов принял холодный душ, в один присест опорожнили банку рассола и уже через каких-нибудь двадцать минут был готов к новым свершениям.

Сегодня, 2 апреля 1937 года лейтенанту госбезопасности была назначена встреча с новым начальником УНКВД майором ГБ Лупекиным Германом Антоновичем. Вообще, события последнего времени развивались стремительно. Матвей Фадеевич попытался восстановить картину следовавших один за другим знаковых событий.

Сначала февральско-мартовский пленум ЦК, вскрывший всю чудовищную предательскую сущность «правых» и их вождей Бухарина, Рыкова и Томского. Этих подлых псов, вставших на путь заговора и предательства. Так называемая «бухаринская школка» давно переродилась в заговорщицкий террористический центр, вожди которого напрямую контактировали с троцкистской сволочью. Эти гнусные почитатели Бухарина, эти оппортунисты проникли во все наркоматы, во все советские учреждения, партийные организации и самое страшное в передовой отряд Партии – НКВД. Вся их подлая враждебная работа была построена на вредительстве, диверсиях и саботаже, при этом они хорошо маскировались, являя себя передовиками и преданными Партии коммунистами. Бухарин и Рыков были взяты под стражу прямо на пленуме.

Двадцать восьмого марта арестовали бывшего наркома Ягоду. Оказывается, Генрих Григорьевич, был замаскированным врагом, прямым пособником Бухарина и Рыкова, с которыми готовил заговор. Возглавляя НКВД, этот законспирированный подлец везде пустил свои щупальца, наводнив органы своими людьми. Притаившиеся, до поры до времени, упыри, подло вредили из-за угла. Выгораживали своих соратников, и липачили дела на честных коммунистов.

Вчера, первого апреля, арестован начальник УНКВД Гай Марк Исаевич. Этот сменивший Зирниса, ягодинский прихвостень, как мог покрывал своих соратников по борьбе с Партией. Вместе с ним был арестован и начальник 4-го отдела, полностью проваливший работу Управления по правой оппозиции. Новый начальник УНКВД Лупекин Герман Антонович был настоящим «ежовцем», преданным Партии чекистом, приехал со своей командой и тут же включился в работу по разоблачению врагов.

Единственное, чего не понимал искушенный в ведомственных интригах Синцов, так это то, почему вридом начальника секретно-политического отдела был назначен именно он, а не кто-то из приближённых Лупекина. Это немного настораживало, но Матвей Фадеевич решил, что со временем во всём разберётся. Опять же, было довольно тревожно в ожидании сегодняшней беседы с новым начальником, что она принесёт?

Картинка поплыла, оставив Синцова погружённого в размышления, жёлто-зелёная непроницаемая «вата» окутала всё, а когда развеялась, передо мной возник кабинет начальника Восточно-Сибирского УНКВД.

Вновь назначенный врид начальника 4-го отдела Синцов Матвей Фадеевич сидел напротив нового начальника УНКВД Восточно-Сибирской области Лупекина Германа Антоновича.

– Ну, что, Матвей Фадеевич, как спалось в новой должности? – издалека начал Лупекин.

– Хорошо спалось, товарищ майор государственной безопасности. Отлично выспался, готов к исполнению обязанностей. Понимаю всю серьёзность и важность предстоящих задач, – бодро отрапортовал Синцов.

– Это хорошо, что понимаешь, – продолжил Лупекин, – надеюсь установка руководства наркомата, в свете последних событий тебе ясна? На всякий случай уточню. Это, в первую очередь, чистка аппарата от ягодинского отребья. И это активизация работы по правой оппозиции, то есть та работа, которая была полностью провалена твоим предшественником.

– Так точно, понимаю.

– Ни хрена, ты не понимаешь. Работа по правой оппозиции вообще не велась, никаких учётов, списков, разработок, а то, что есть – сплошная липа. Это ты понимаешь? Все диверсии, вредительства списывались на троцкистов. Конечно, эти сволочи давно превратились в шпионов и убийц, но не значит же, что всякая бухаринская шваль сидела здесь, сложа ручки! – Лупекин, перевёл дух и закурил.

– Кури, – приказал он Синцову, – Так вот, работать предстоит можно сказать с нуля и времени на раскачку нет. Мне нужен заговор, полноценный заговор с доказательной базой. Такова директива центра, необходимо вскрывать террористические ячейки правых на местах, доказать их не только вредительскую и предательскую сущность, но и связь с троцкистским подпольем.

– Понимаю.

– Правые – это ведь тебе не идейные троцкисты, правые – это замаскированный, законспирированный враг, с виду примерный коммунист, а в душе диверсант и предатель. Они проникли везде, всюду влезли, и партия и наркоматы заражены этой скверной и нам предстоит выжечь её в самые кратчайшие сроки.

– Так точно, товарищ майор госбезопасности, всё осознаю. Может наших арестованных потрясти, я имею в виду Гая и моего бывшего предшественника?

– Не получится, завтра уже в Москву этапируют, а там в первую очередь по другим вопросам работать будут, сам должен понимать. Ты же оборонку обслуживал, там среди этих инженеров поищи. В общем, не мне тебя учить. Иди, работай, даю три дня и жду с конкретным планом.

Пришёл туман. Когда жёлто-зелёное марево рассеялось, я находился в кабинете начальника 4-го отдела.

Матвей Фадеевич сидел за массивным столом начальника секретно-политического отдела. Кабинет был чужим, непривычным, но довольно просторным. Непременные атрибуты – чёрная железная настольная лампа, телефоны городской и внутренней связи, чернила и письменные принадлежности, стопки, ещё не разобранных документов.

Лейтенант ГБ ликовал. Конечно, понимание того, что его назначению на 4-й отдел, способствовала простая перестраховка со стороны Лупекина, несколько портило настроение, но не так чтобы очень. Осознавая, что работа по правой оппозиции в Восточно-Сибирской области не велась, новый начальник УНКВД не стал назначать на эту должность своих. На это сго-

дился он – Синцов, отличный чекист, но не свой, и в случае очередного провала, разменять его было совершенно не жалко и, что самое главное, безопасно.

«Да, хорош ты Герман Антонович, нечего сказать, определил меня в жертву, значит. Но это ты поспешил. Ты ещё не знаешь, кто такой Матвей Фадеевич Синцов», – врид начальника 4-го отела веселился, несмотря на шаткость своего положения.

Впрочем, веселье новоиспечённого лейтенанта госбезопасности было вполне обосновано и вот чем.

После громкого дела о диверсии на авиационном заводе, Синцову досталась Попова Нина. Девушка была уволена за связь с врагом народа инженером Гуревским. Тот ухаживал за Ниной, и этого факта хватило, чтобы Нину исключили из комсомола и выставили на улицу с «волчьим билетом». То, что девушка избежала ареста, было, несомненно, заслугой Синцова, здесь уж он постарался, связав, таким образом, Нину с органами госбезопасности. Впрочем, официально оформлять её своим осведомителем, Матвей Фадеевич не спешил, так как пользовал девку по прямому назначению, уж больно та была хороша, да с некоторых пор безотказна. Интимная связь с агентурой в Управлении не приветствовалась и при случае, могли прижать за моральное разложение.

Поэтому, Синцов решил так. Нину он пристроил в Иркутский театр рабочей молодёжи, где она, опять же по заданию Матвея Фадееча, сдружилась с молодыми актрисами Невельской и Харитоновой. Новые подружки устроили, что-то типа «клуба по интересам». Идею создания «клуба» Синцов подчерпнул у разоблачённого немецкого шпиона Рудольфа Мюллера, именно так тот завлекал в свои сети доверчивых советских служащих.

Клуб был организован в квартире актрисы Антонины Невельской, достаточно просторной по площади, расположенной в центральной части города. Квартира принадлежала родителям Невельской, которые служили в дипмиссии за границей, и в Иркутске практически не бывали. О клубе и его истинных целях знали только сам Синцов и частично Нина. Все остальные видели в клубе возможность весело провести время, пофлиртовать, потанцевать, немножко выпить, то есть отдохнуть душой и телом от нелёгкого труда во благо государства.

Гостями вечеринок в клубе выступали инженеры заводов, ответственные работники различных наркоматов, два вторых секретаря райкома ВКП(б), и военнослужащие, конечно командного состава. Принимающей стороной были актрисы Невельская и Харитонова, сама Нина Попова и периодически бывали подружки хозяек, ищущие приключений и весёлой жизни.

Ничего особенного в этих посиделках не было, никто там чужие секреты не выведывал, коварных заговоров не строил. Болтали, конечно, всякое, порой, затрагивая довольно острые темы. Горячо спорили, обсуждая политику партии в деревне, бывало, критиковали генеральную линию. Из чего Матвей Фадееч заключил, что среди посетителей есть сторонники Бухарина. Но работа с правой оппозицией не входила в обязанности оперуполномоченного ЭКО, поэтому он никаких мер не принимал, взяв, это обстоятельство себе на заметку. Для Синцова интерес состоял в разработке ответственных работников оборонной промышленности, которые там периодически появлялись. Расставленные сети были длительного пользования, но Матвей Фадееч умел ждать.

И вот ведь дождался. В очередной раз, похвалив себя за предусмотрительность, Синцов стал размышлять, как облечь вышеуказанные посиделки в полноценный заговор, да ещё с доказательной базой и связями с троцкистским подпольем.

Жёлто-зелёный туман вновь сменил декорации.

Матвей Фадеевич сидел в комнате Поповой Нины и с шумом пил чай, вприкуску с колотым сахаром.

– Понимаешь, Нина, ты окружена врагами. Все ваши гости, все эти ответственные товарищи, все они скрытые враги народа и разложенцы. Ты ведь этот неоспоримый факт признаёшь?

– ???

– Ты же сама рассказывала, как спорили про деревню, не соглашались с линией Партии в этом и других вопросах. Было такое?

– Ну, да было, и не раз, но ведь это же теоретические споры, ведь никто же против Партии не шёл, просто немного подискутировали, Сергей Платонович, так тот, вообще сказал, может вы и правы в теории, но на практике я полностью за генеральную линию.

– Сергей Платонович, это же полковник из Иркутского гарнизона? Твой новый воздыхатель?

– Ну, да, он очень хороший человек.

– Это, который с Троцким был лично знаком?

– Так это ж когда было, ещё в Гражданскую.

– Но, ведь было же, – взгляд Синцова упал на зажигалку, лежащую на комод, – Ого, штучная вещица, это чья?

– Это зажигалка Сергея Платоновича, она именная, он её забыл, надо бы отдать, – зататорила, мгновенно ставшая пунцовой, Нина.

– А, понятно, воздыхания старого пердуна нашли своего почитателя? – усмехнулся Матвей Фадеевич, – И, что, давно снюхалась с ним? Только не ври, ты же меня знаешь.

– Прости, я хотела рассказать, да как-то боялась. Недавно, пару раз всего ночевал.

– Ладно, на первый раз прощаю, но это реквизирую, – Синцов указал пальцем на зажигалку, – Если, что, скажешь, не видела.

Нина молча кивнула, в знак согласия, по виду полностью смирившись и ожидая новых распоряжений начальства.

– Так вот, на чём я остановился? Ага, связалась ты Нина с врагами. Кто с Партией в крестьянском вопросе не согласен был? Бухарин, Рыков, Томский – правые уклонисты, так? Так. Кто первые критиканы в Партии? Они же. Так? Так. Значит, что? А то, что спорщики твои, поддерживают линию правых, так? Так. Где сейчас их главари? Арестованы, как враги народа, так? Так. Значит что? А то, что твои новые знакомые это сплошь контрреволюционная сволочь. И место им у стенки, как, впрочем, и тебе.

– Я-то здесь причём? – испуганно залепетала Нина.

– Как это при чём? Развели тут притон, понимаешь, всякую шваль привечаете, речи анти-советские ведёте, наверняка уж и вредительство замыслили.

– Да нет же, нет, не было ничего такого!

– Эх, Нина – Нина, ошибся я в тебе, на важное дело поставил, врагов выявлять, а ты же сама их тут и разводила, да ещё и покрываешь теперь. Чуешь, чем это пахнет?

– Да никого я не покрываю! Нужны они мне больно. Я за них страдать не собираюсь, сами виноваты, всё им не жилось, всё споры свои вели, я их за язык не тянула. Матвей Фадеевич, миленький, как же быть-то мне? Я ведь, ты знаешь, всё для тебя сделаю. Научи, что делать-то теперь?

– Ну вот, поняла, наконец, что по самые уши в болоте вражеском увязла? А мне вот теперь думай, как тебя из этого болота вытаскивать.

– Миленький, ну придумай же что-нибудь.

– Трудно будет, но, ладно, растопила ты мне сердце, попробую тебя вытащить, но, запомни, ни шагу в сторону без меня, чтобы всё как я скажу, исполняла.

– Конечно, всё сделаю, ничего не скрою.

– Ну, что ж, для начала напиши бумагу, – Синцов подождал, пока Нина достала письменные принадлежности и приготовилась писать.

– Пиши на имя начальника УНКВД Лупекина Г.А. Что, мол, такие-то – такие-то, всех перечисли, собираются в квартире гражданки, как её фамилия-то? Ага, Невельская. Так вот, пиши, что ведут вредительские разговоры, выражают недовольство арестом своих вождей Бухарина и Рыкова, планируют, значит, вести активную борьбу против советской власти. Написала?

– Дальше, пиши, что с ними связан полковник Миронов Сергей Платонович, скрытый троцкист, лично поддерживающий связь с агентом германского фашизма Троцким. Написала?

– Но это же не совсем так, я про Сергея Платоновича, он ведь когда-то давно с Троцким знаком был.

– А ты-то, откуда знаешь? Был, не был. Он сейчас директивы вражеские из-за границы получает, как страну нашу фашистам продать, а ты опять его выгораживаешь?

– Нет-нет, я всё поняла.

– Всё написала? Ну, теперь давай мне эту бумагу. Пойду судьбу твою решать, прямо к начальнику НКВД пойду, буду биться за тебя, так, что смотри не подведи.

Всё скрыл туман. А когда развеялся, я вновь обнаружил, что нахожусь в кабинете Лупекина.

Герман Антонович сидел за столом и читал рапорт Синцова и донесение некой Нины Поповой. Внимательно, изучив документы, майор госбезопасности, устремил свой пронизывающий взгляд на Матвея Фадеевича и спросил,

– Как же тебе удалось?

– Поднял старые связи, вышел на девушку, завербовал, получил информацию, немного обработал и вот. Там ведь на самом деле разговорчики-то контрреволюционные велись, а от них и до дела рукой подать.

– Ну-ну, разговорчики разговорчиками, а что с доказательствами, нужны железные доказательства заговора, как думаешь их получить?

– Да, была одна мысль, вот хотел предварительно посоветоваться с Вами.

– Ну, говори, не тяни.

– Там же актрисы всякие хозяйничают. А что, если предложить такую игру, что мол, пишут сценарий для спектакля, в котором народ свергает фашистского диктатора в одной вымышленной стране. И предложить этим теоретикам написать свои мысли, как бы они власть в этой стране захватывали, пусть напишут, а мы эти бумаги в качестве доказательств и приложим. Тогда им не отвертеться.

– Думаешь, клюнут? А кто исполнит? Своего человека будешь вводить?

– Нет, здесь чужак только навредить может, насторожатся. Думаю Нину использовать, она девка пронырливая и своя, ей поверят. Только вот потом, её нужно будет из разработки вывести, ну там в другой город временно услать, под наш надзор.

– Это детали, технический вопрос. Отлично, операцию согласую, так, что план мне на подпись и приступай, не тяни, помнишь, надеюсь, что времени в обрез.

Когда я вновь избавился от тумана, то находился в квартире Поповой Нины.

Довольная собой Нина, рассказывала Синцову о блестяще проведённой операции:

– А я и говорю, что вот пьесу сочиняю про победу трудового народа в отдельно взятой фашистской стране, помогите, говорю, с теорией и практикой, как всё правильно написать, чтобы правдиво получилось, как небольшую революцию устроить. Объявляю соцсоревнование. Победитель получит приз.

– А что эти?

– А они все прямо раздухарились, как будто только этого и ждали и опять давай спорить, ругаться. В итоге, каждый свой план написал, а некоторые и по несколько вариантов, – Нина передала Синцову стопку бумаг, с сочинениями ничего не подозревающих заговорщиков.

– Молодец, отлично справилась, словно рождена для этого. Я, кстати, твой вопрос с начальством решил. На днях отправим тебя пока на юг, в наш ведомственный санаторий, отдохнёшь там, месяц-другой, пока тут поутихнет.

– А что же будет дальше? – поинтересовалась повеселевшая девушка, – что будет с нашим клубом.

– Клуб ваш придётся закрыть, а вот его члены, я думаю, понесут заслуженное наказание, разве непонятно?

– А может, как-то по-другому возможно решить? – настроение девушки заметно испортилось.

– Что, опять начала врагов покрывать? – грозно начал Синцов, – Я за неё бьюсь, ей жизнь выторговываю, а она опять за старое. К стенке захотела?

– Нет-нет, прости, я всё понимаю, но вот товарищей наших жаль.

– Каких товарищей? Ты совсем рехнулась, враги это, враги, запомни же ты раз и навсегда. Всё ваше сборище – это вражеская клика, хорошо замаскированная и от того особенно опасная. Все они там только и ждут, как продать нас фашистско-японским агрессорам, это с виду они овечки беззлобные, а в своей чёрной душе – волки зубастые. Поняла?

– Да, поняла.

– А чтобы вывести эту вражескую стаю на чистую воду, мы и придумали с тобой этот хитрый ход, поняла?

– Поняла.

– Ты думаешь, когда они тебе эти записки писали, кого себе представляли?

– Кого?

– А ты не поняла ещё? Власть они нашу представляли советскую, товарища Сталина они представляли, вот с кем они бороться жаждут, поняла, наконец?

– Не может быть! Какой ужас! А я то, дурочка, сомневалась, всё их жалела.

– Вот и чуть вместе с ними не угодила. Давай пока вещи собирай, потихоньку, на днях тебя на юг отправлю.

Снова пришёл туман, который перенёс меня в кабинет Лупекина.

Утром 8 апреля 1937 года в кабинете начальника УНКВД проходило совещание. Герман Антонович отдавал последние распоряжения:

– Четвёртым отделом выявлена террористическая, строго законспирированная ячейка правого Центра, напрямую связанная с троцкистским подпольем. Получены многочисленные изобличающие доказательства, их преступной деятельности. Достоверно установлено, что эти нелюди планировали государственный переворот, убийство товарища Сталина, ликвидацию членов политбюро, возврат к капитализму. Эти шпионы и диверсанты уже продали Восточную Сибирь японским милитаристам. Не мне вам говорить, насколько опасны такие враги. С ними нельзя церемониться, их нужно уничтожать, выкорчёвывать эти змеиные гнёзда, чтобы и следа не осталось от этих подлых убийц.

– Ликвидация вражеского подполья поручается специально созданной опергруппе, в которую входят товарищи Сарычев, Троицкий, Бучинский, Верещагин, Дьячков, Желонкина, Попов, Степин, Колов и Руденко. Старшим группы назначается старший лейтенант ГБ Сарычев, – начальник УНКВД перечислил сотрудников Управления.

– Вас товарищ Синцов, я попрошу передать все материалы Сарычеву и быть на месте, для необходимых консультаций и пояснений, – обращаясь к Матвею Фадеичу, приказал Лупекин.

– Операцию считаю необходимым начать сегодня же ночью с ареста Поповой, Невельской и Харитоновой. Как видно из материалов разработки, именно они обеспечивали конспиративные встречи шпионской ячейки, маскируя под разные увеселительные мероприятия. К тому же эти дамочки представляют собой то слабое звено, с которого и нужно начинать активную фазу.

Услышав последнюю инструкцию Лупекина, Матвей Фадеевич почувал, как земля уходит из-под ног. Стало невыносимо душно, во рту пересохло, катастрофически перестало хватать воздуха. «Это конец» – убийственная мысль окончательно заняла всё пространство в голове Синцова, вызвав тошнотворный приступ паники.

Приложив нечеловеческие усилия и подавив первую волну, Матвей Фадееч стал лихорадочно думать, совершенно не воспринимая дальнейшие слова Лупекина.

Теперь, Синцов мог отдать должное новому начальнику, который не только с его же помощью вышел на заговор, но и нашёл решение для автора этого заговора, то есть для него. Естественно, Нина тут же сдаст его с потрохами, даже не надо будет нажимать на неё. Она всё расскажет и в первую очередь, про то, что это именно по его – Синцова заданию были организованы эти «увеселительные мероприятия» с врагами народа. Тогда резонным будет вопрос, а почему же товарищ лейтенант никак не отразил, эти длившиеся уже несколько месяцев посылки, в своих оперативных документах, и, вообще, с какой это целью создавалась вражеская ячейка.

«Да, в любом случае мне конец. Или пойду за организатора этой шпионской сети, или, если повезёт, конечно, то, как пособник врагов народа. Что так, что этак высшая мера», – резюмировал Синцов.

«Выход только один, Нина ничего не должна рассказать», – единственно возможное решение, дало мыслям новое направление и звало к решительным действиям. Как это произойдёт, Матвей Фадееч ещё не знал, но решил симпровизировать по ходу дела.

Еле дождавшись окончания совещания, Синцов заспешил передать документы Сарычеву...

Туман вновь сменил декорации.

Матвей Фадееч сидел в комнате Нины. К счастью, кроме него и обречённой девушки в квартире никого не было, жильцы других комнат ушли на работу, так что времени должно было хватить. Ещё раз, прокрутив в голове, как он обставил свой незапланированный уход с работы, и, оставшись довольным неожиданно найденным решением, Синцов приступил к реализации своего ужасного замысла. А ушёл он из Управления, чтобы принести Сарычеву недостающие справки, из РО НКВД, которые на самом деле были им получены ещё вчера, но не подписаны к делу оперативной разработки.

Синцов сообщил Нине, что обстоятельства требуют срочных действий, что ей необходимо сегодня же уехать из города, пока в санаторий НКВД на чёрном море, где она сможет отосидеться, пока здесь в Иркутске пройдут аресты и следствие. Нина спешно собирала чемодан, причитая, как же жалко оставлять родной город, подруг. Когда вещи были собраны, Матвей Фадееч сказал:

– Нина, а сейчас нужно написать письмо в НКВД. Это просто необходимо сделать, иначе все наши усилия не стоят и гроша. Необходимо сделать так, чтобы в НКВД поверили, что тебе угрожает серьёзная опасность, понимаешь, о чём я?

– Ну, если нужно, то я, конечно, а что писать-то?

– Садись, пиши, я буду диктовать.

Нина села за стол, и приготовилась к письму.

– Пиши, начальнику УНКВД Восточно-Сибирской области Лупекину Г.А., в продолжение своего первого письма о вражеской ячейке, что собирается в квартире актрисы Невельской,

пишу Вам товарищ начальник письмо с мольбой о помощи. Эти изверги подозревают меня в доносительстве и грозят убить. Особенно я боюсь своего бывшего любовника, троцкиста и фашистского агента Миронова Сергея Платоновича. Молю Вас товарищ начальник НКВД о помощи, не дайте погибнуть от рук палачей и предателей. Написала? Теперь подпиши Нина Попова и поставь дату, нет вчерашнюю 7 апреля 1937 года. Всё, теперь вложи письмо в этот конверт.

– Матвей Фадеич, а зачем я напраслину-то на Сергея Платоновича возвела? Он же с меня пылинки сдувает, несмотря на то, что враг?

– Так надо, миленькая моя, – Синцов стал необычно ласков.

Подошёл сзади, к сидевшей за столом Нине и стал поглаживать её плечи, шею, нащёпывать в ухо разные ласковые слова.

– Ты пока поживёшь в санатории, а я к тебе в гости приеду, мы там с тобой погуляем, в море покупаемся, отдохнём, да ласточка моя, я ведь так страдаю по тебе. Вижу этих твоих воздыхателей, и сердце кровью обливается, а сделать ничего не могу, работа у меня такая.

Нина совершенно расслабилась и откинула голову назад, готовая принять поцелуи этого, давно ставшего родным человека.

«Ах, если бы он всегда был таким ласковым, милым, да я бы ради него...», – не успела додумать Нина.

Синцов, продолжая, сзади, гладить девушке шею, незаметно обнял правой ладонью её подбородок, а ладонь левой руки прижал к затылку. Затем мягко, но настойчиво повёл правой рукой в сторону, отчего подбородок девушки занял крайнее левое положение. Неожиданно сильно надавил руками, и когда Нина попыталась высвободиться, повернувшись в противоположную сторону, резко дёрнул руками, вращая голову своей жертвы вправо. Раздался громкий хруст и уже мёртвая Нина осела неловкой куклой на стуле.

– Вот и всё, а ты боялась. Быстро и не больно, – заметил Синцов, склонившись над трупом и проверяя, на всякий случай, пульс.

Убедившись в смерти Нины, Матвей Фадеевич стал действовать. Для начала надел перчатки, после чего, осторожно взял письмо, только что написанное Ниной, и аккуратно положил его в верхний, приоткрытый ящик комода, чуть прикрыв каким-то бельём. Затем, вытащил именную зажигалку, ещё хранившую отпечатки пальцев своего владельца – полковника Миронова. Аккуратно положил её на полу, создав видимость того, что убийца выронил сию улику, но, к своему несчастью этого не заметил. Ещё раз, оглядев комнату, Синцов протёр места, где вероятно мог оставить отпечатки пальцев, и в последний раз, посмотрев на мёртвую Нину, осторожно покинул квартиру, ставшую теперь местом происшествия...

Я снова был в офисе.

Все дальнейшие мои «путешествия» мало чем отличались одно от другого. Всё происходило, как всегда. Сначала я оказывался висющим в серой пустоте, затем меня втягивал жёлто-зелёный туман и перемещал в ставший привычным мир, где на календаре был 1937 год. Было это реальное прошлое, или я попадал в одну из многочисленных иных реальностей, я не знаю. Но каждый раз очнувшись, я оказывался в «голове» либо товарища Синцова, либо Одинцова. Других «голов» в моих путешествиях не наблюдалось. Прожив с ними ряд эпизодов, я вновь возвращался в тот самый свой привычный мир, в котором родился, вырос и живу сейчас. Никаких сбоев или перерывов «в вещании» моя память никогда не фиксировала. Реальность также плавно проносилась перед моими глазами, что и путешествия.

Единственное, что я заметил, было то, что все «путешествия» начинались в тот момент, когда рядом никого не было, я мог быть в офисе, на складе, в кафе, дома, но все окружающие меня люди, в это время куда-то уходили. Не было и определённости с частотой моих «путеше-

ствий», разрыв мог составлять от одного дня до трёх месяцев. Следующее и идущие за ним «путешествия» ни чем не отличались от предыдущих.

Василий Одинцов

Труп Поповой Нины, неловко полулежал на стуле. Короткий халат, задравшись, откровенно оголил красивое тело погибшей, чем произвёл сильное впечатление на Василия Одинцова.

Василий уже четвёртый день работал стажёром в УГРО и прибыл на место происшествия в составе оперативной группы. Нину он, тут же опознал, о чём незамедлительно сообщил начальнику УГРО Елистратову, высказав свои соображения по характеристике личности этой мёртвой девушки. Тело было обнаружено в 15.05, когда соседка по квартире Аглая Петровна пришла с работы домой. Она и вызвала милицию. Прибывший судебный медик, констатировал время смерти в 10.30 – 11.00, по предварительному заключению причиной послужил перелом шейных позвонков. При чём, убийство совершил профессионал, обладающий специальными навыками рукопашного боя, возможно военный, или сотрудник органов.

Эти заключения вполне соответствовали уже сложившейся версии. Соседи показали, что Попову неоднократно посещал военный, лет сорока, в звании полковника. На полу была найдена именная зажигалка, надпись на которой гласила «Сергею Миронову от боевых друзей. 10.X.22». В верхнем ящике комода было найдено письмо на имя начальника УНКВД, в котором Попова опасалась за свою жизнь, называя того же Миронова Сергея Платоновича опасным врагом. Убийца был налицо, оставалось немного, найти и расколоть, – пошутил Елистратов.

Единственное, что тревожило и не давало покоя стажёру Одинцову, так это просто какое-то обилие улик, прямо указывающих на единственного подозреваемого. Прочитав огромное количество детективной литературы, Василий знал, что таких совпадений просто не бывает.

«Не удивлюсь, если и на именной зажигалке окажутся отпечатки именно этого самого Миронова – думал стажёр, – Здесь всё похоже на инсценировку, кто-то видимо решил подставить этого полковника».

Однако сомнения Василия не разделяли другие члены опергруппы. Посмеявшись над новоявленным Шерлоком Холмсом, отправили Одинцова опрашивать весь прилегающий двор, а сами выехали на задержание полковника Миронова.

Василий вышел во двор, присел на лавочку и для начала решил осмотреться. Мысли вернули его в тот день, когда он, как член комитета комсомола вёл свой допрос этой девушки, уже тогда связавшейся со шпионом и вредителем. Что изменилось в её судьбе, кроме смены места жительства, почему она опять оказалась окружена врагами, чего она так боялась, эти вопросы накрепко засели в голове молодого сыщика.

Вернувшись в повседневность, Василий определил, где находится окно комнаты Поповой Нины и решил попытать судьбу в доме напротив. Время уже было вечернее, народ вернулся с работы и занимался домашними делами. Обойдя несколько квартир, молодой Пинкертон познакомился с энергичной бабушкой, окна которой выходили как раз на окна Нины. Попивая крепко заваренный чай, Василий вёл неспешную беседу с Клавдией Яковлевной, так звали новую знакомую.

– И, что Клавдия Яковлевна, одна живёте, на пенсии, скучота ведь.

– Что ты, Васёк, скучать-то и некогда, вона жизнь, какая кипит, – старушка кивнула на окно своей комнаты, – Вот так бывало, сяду и сижу часами к ряду, смотрю, как люди живут.

– А что, за соседкой-то, что напротив тоже наблюдали?

– За Нинкой-то, а как же, она девка видная, у ней жизнь кипела, ухажёры бывали. Эх, жаль померла так рано.

– Что же за ухажёры, военные, поди?

– Да, был такой военный, в возрасте уже, всё провожал Нинку-то.

– А ещё ухажёры были? Или военный один.

– А больше, почитай, никого и не было. Она недавно сюда переехала, так что, особо никого и не водила.

– Так может, кто без неё захаживал, а она его дома поджидала?

– Не, в окошко-то всё видать, коли были какие гости, усмотрела бы. Да она сама-то всё гуляла где-то, домой поздно возвращалась, сначала одна, потом военный этот стал провожать. Даже пару раз оставался.

– Это ж ты баба Клава как определила?

– Так, а что тут определять, занавесочки-то у Нинки, так себе были, как свет включит, а мне, значит, всё и видать.

– И, что же ты там видала?

– Да, ничего особо, врать не буду, ну так обнималась всё с военным-то.

– Понятно, значит, больше никого и не было, – разочаровано протянул Василий, его версия рушилась прямо на глазах.

– Что значит, не было, был ещё один ухажёр, но редкий, всего-то раза два видела, он ведь и сегодня к Нинке-то захаживал, с утра прямо прибежал.

– Сегодня?! С утра?!

– Верно, с утра прибежал, значит...

– А ушёл, ушёл когда?

– Ушёл-то, да долго был, а ушёл.... Еще до полудня ушёл. Не помню я точно, но до полудня.

– И как он выглядел, запомнили? Тоже, небось, военный? – Василий, почуял запах добычи.

– Нет, этот-то не военный, этот другой, этот из ваших будет.

– Не понял, что значит из наших?

– Ну, из ваших, из органов значит, я же форму-то вашу знаю. Штаны, значит, такие синие, фуражка. Сапоги, ремни, красивая форма. Куртка кожаная, чёрная, что-то блестело, значки какие-то.... А раньше-то он, как обычный гражданин приходил.

– И как он выглядел?! – Василия бросило в жар.

– Ну, помоложе военного-то, а как выглядел, ну, чернявый вроде, да и не разглядела я его, шустрый он больно, шмыгнул в подъезд, и нет его.

– А опознать, опознать его сможете?

– Вряд ли, Васёк, врать не буду, но вряд ли.

На этом Одинцов распрощался с Клавдией Яковлевной и что есть духу, помчался в УГРО.

Туман проявился, и, развеявшись, обнажил следующую картинку.

Василий Одинцов сидел в кабинете начальника УГРО Елистратова.

– Андрей Андреевич, Вы поймите, не виноват он, – имея в виду полковника Миронова, горячился стажёр, – С утра и до полудня в квартире был другой человек, между прочим, в форме работника госбезопасности, понимаете?

– Ну и что, ну был кто-то и что, дальше? – Елистратов не знал, как охладить неуместный и даже опасный пыл новоявленного Пинкертона.

Всё происходило не так, как виделось на месте происшествия. Полковник Миронов был задержан на рабочем месте и доставлен в УГРО. Естественно от всего отказывался, зажигалку потерял, в предсмертное письмо не верит, плакал даже, как про эту девку узнал. Потом всё пошло вообще, наперекосяк. Приехали крепкие ребята из УГБ, от самого Лупекина, изъяли все документы по убийству, забрали полковника, и были таковы, строго пригрозив, кто рот на замке держать не будет, тоже вслед за Мироновым поедет.

А тут этот Шерлок Холмс, хренов, накопал правдолюб. Да ясное дело, что в убийстве замешаны орлы из госбезопасности, а Миронова козлом отпущения выставили. Ну и что? Что теперь-то, сунешься в это дело и всё, кранты. На хрена они сдались, плюнуть и забыть всё, так ведь нет, не в меру ретивый стажёр нарисовался.

– Послушай, Василий, дело у нас забрали, теперь его госбезопасность вести будет. Мы ничего уже сделать не можем, не в наших силах.

– Как же не можем? Ведь оговор вышел, честного человека подставили. А мне, между прочим, сам Ефим Степанович говорил, – в лепёшку разбейся, а честное имя гражданина защитить.

– Да, пойми ты, там свои игры, опасно с госбезопасностью связываться, они ведь не посмотрят, что ты стажёр УГРО, упекут в подвал, и всё сгинешь там, или расстреляют, как врага народа. Нельзя с ними бодаться, нельзя. Забудь всё, тогда хоть проживёшь подольше. Не шучу я, посмотри время-то какое, кругом вредители, шпионы, диверсанты.

– Как же быть, Андрей Андреевич, может в Москву написать, самому товарищу Сталину?

– Да охланись ты, Василий, как тебя по отчеству-то? А, Карпович, так вот Василий Карпович, как старший по должности и званию, приказываю дело по убийству Нины Поповой забыть и держать язык за зубами. А чтобы не было у тебя никаких дурных мыслей, вот тебе бумага, садись, пиши расписку о неразглашении государственной тайны.

– Ну, вот, теперь кому вякнешь, не подумав, и всё тюрьма, – резюмировал, довольный собой Елистратов.

– Всё, свободен, иди, отдыхай. Завтра на работу.

Василий Одинцов, брёл домой в совершенно разбитом настроении. Невесёлые мысли одолевали юного сыщика:

«Как же так? Почему так происходит? Говорят одно, мол, граждан защищай, а на деле, подожми хвост и молчи. Да ещё расписку заставил написать. Кому же верить? А если я к Сергееву пойду, получается подписку, о неразглашении нарушу. Это что, если я невиновного буду защищать, то этим самым против закона пойду, преступление совершу? Несправедливо получается, а как же Советская власть, как же Партия, комсомол, ведь другому меня учили. Чести, совести учили, справедливости, а что получается, в УГРО враги засели?

Да нет, не может быть, чтобы Елистратов был врагом. Может я что-то не понял? Ладно, утро вечера мудренее, завтра соображу, что делать»...

Матвей Фадеевич Синцов

Яркое весеннее солнце согревало освобождённую от оков зимы землю. Пахло обновлением, началом новой жизни. Именно такие нотки звучали в душе врида начальника 4-го отдела УГБ Матвея Фадеевича Синцова, в котором я сегодня проснулся.

Сбросив груз смертельной опасности, убрав занесённый над ним меч, Матвей Фадеевич, спешил на работу в приподнятом настроении. Нет, безусловно, ему было жаль Нину, с которой он поступил так жестоко, но иного выбора не оставалось, или он или она, да, и сама виновата была, связалась с этими бухаринцами. Теперь, когда главная угроза была ликвидирована, страх прошёл. Синцов, конечно, не был желторотым юнцом и прекрасно понимал, что у руководства возникнут вопросы, но козырная карта, разыгранная предсмертным письмом, должна была бить возможные неприятности.

С такими мыслями Матвей Фадеевич зашёл в кабинет начальника УНКВД Лупекина.

Пригласив Синцова, присесть, Герман Антонович довольно долго молчал, изучая с ног до головы, не смеющего шелохнуться врида начальника отдела. Наконец, молчание было прервано.

– Ну, что скажешь, Матвей Фадеевич, как спалось, кровавые мальчики не снились? Или вернее будет сказать – девочки?

– Никак нет товарищ майор госбезопасности, не снились, разрешите узнать, а что должны были?

– Ну, ты и фрукт, Синцов. Не раскусил я тебя сразу, не раскусил.

Матвей Фадеевич молчал, непонимающе пожимая плечами, и никак не реагируя на, довольно прозрачные, намёки начальника УНКВД.

– Представляешь, какая незадача вышла, товарищ Синцов. Приехала вчера опергруппа на адрес врага народа Поповой, а задержать её не смогла... – Лупекин замолчал, пристально глядя в глаза врида. Не дождавшись никакой реакции, продолжил.

– А знаешь, почему? Нет, а я скажу. Потому, что эта бухаринская сука была мертва. Представляешь?!

– Никак нет, не представляю.

– Да-да, мертва и не просто так мертва, а убита! И главное подозреваемый есть! Он и зажигалку свою именную около трупы оставил, и отпечатки его кругом. А, что самое удивительное, покойница-то, перед смертью письмо написала, где фактически этого убийцу и назвала. Представляешь, Матвей Фадеевич, не расследование, а просто подарок судьбы какой-то. Единственное, что омрачает, так это нежелание убийцы сознаваться и это, несмотря, на просто массу улик. Что скажешь?

– А кто убийца-то?

– А сам не догадываешься? Нет? Ну, как же, убийца это главный троцкист, он же любовник покойной, полковник Миронов Сергей Платонович.

Неожиданно, Лупекин, что есть силы, врезал кулаком по столу и заорал так, что стёкла в окнах едва не разлетелись вдребезги:

– Смирно!!! Ты мне, что здесь цирк устроил. Говори правду – за что девку убил?!

Синцов, как ошпаренный, подскочил, вытянувшись во фрунт. Взбешённый начальник УНКВД, буквально, уничтожал взглядом подчинённого, подавляя волю к сопротивлению.

– Последний раз спрашиваю, зачем девку убил? Не ответишь, пеняй на себя, я с тобой цацкаться не буду, пойдёшь пособником к своей шайке.

И Синцов рассказал всё...

– С чего это ты решил, что я тебя козлом отпущения выставлю? – удивился Лупекин, – Мне такие работники самому нужны. Так что, не ссы, пока ты со мной, всё будет хорошо. Ну, а если, куда нос свой не туда повернёшь, то уж не обессудь, пощады не будет, всё вспомню. Усёк?

– Так точно, товарищ майор госбезопасности, усёк.

– Ну, тогда иди, работай. И чтобы завтра, край послезавтра этот Миронов вовсю давал показания, и не только по убийству, главное это заговор. Сарычеву я скажу, что ты в деле. Ты меня понял, делай с этим полковником, что хочешь, но показания добудь, иначе спрошу с тебя. Всё, свободен.

Выходивший из кабинета Синцов, только сейчас осознал, как его умудрённого опытом сыщика, только что завербовали, намертво привязав убийством девушки. Что теперь он в команде Лупекина, что теперь будет беспрекословно исполнять всё, что скажет Герман Антонович и, что выхода из этого тупика не существует.

Жёлто-зелёный туман размыл картину, а когда рассеялся, я находился в следственной комнате подвала на Литвинова.

Перед взором Матвея Фадеевича предстал арестованный Миронов. Сергей Платонович уже не был молодцеватым, сорокатрёхлетним половником. Перед ним находился постаревший, осунувшийся человек, недавно переживший горе утраты и потрясение от ареста. Но этот мужчина пока ещё оставался мужчиной, он не был сломлен, и был готов бороться за свою судьбу.

– Начальник 4-го отдела, лейтенант госбезопасности Синцов Матвей Фадеевич, – представился, Синцов, для солидности, пропустив приставку «врид».

– Что происходит товарищ лейтенант госбезопасности? – начал возмущаться полковник Миронов, – По какому праву я арестован? Немедленно прошу разобраться и освободить меня.

– Вам разве не разъяснили суть обвинений? – довольно сдержано спросил Матвей Фадеевич.

– Да, что там разъяснили, несли какую-то чушь. У меня горе, понимаете, горе! Девушка, которую я любил, погибла, её убили! А меня держат здесь, задают дурацкие вопросы: про зажигалку, про то где я был в период с 10 до 13 часов. Вы что издеваетесь надо мной? Я, между прочим, полковник Красной Армии, служу в штабе гарнизона. Я буду жаловаться вашему начальству.

Дав выговориться арестованному, Матвей Фадеевич продолжил.

– Так вот, суть обвинений, если Вы Сергей Платонович ещё ничего не поняли. Первое, Вы обвиняетесь в зверском убийстве Вашей любовницы Нины Поповой. Что можете сказать по данному обвинению?

– Это неслыханно, ты, что лейтенант себе позволяешь?! Да как ты смеешь, говорить мне такое?! Тебе это даром с рук не сойдёт.

– Тогда вернёмся к фактам, – совершенно спокойно продолжил Синцов, – Факт номер один – Вы гражданин полковник имели интимные отношения с покойной, это Вы отрицать не будете?

– Не буду, и что?

– Факт номер два – На месте происшествия обнаружена именная зажигалка. Вот эта. Случайно не Ваша?

– Моя, но где вы её нашли, я потерял её несколько дней назад.

– Вы не поняли? Нашли её возле трупа гражданки Поповой.

– Но я... Там же должны быть чьи-то отпечатки, ну того человека... того убийцы, который её уронил.

– И здесь Вы правы, действительно на зажигалке обнаружены отпечатки пальцев одного единственного человека, или как Вы верно заметили, убийцы. Это Ваши отпечатки, вот заключение экспертизы.

– Не может быть, но как же? Меня подставили.

– Кто Вас подставил, можете назвать имя, фамилию?

– Да я не знаю кто, да кто угодно, мало ли у меня недоброжелателей.

– Прошу перечислить этих людей. Их мотивы.

– Не буду я никого перечислять. Не знаю, кто меня подставил, не знаю.

– Ваше право. Но, продолжим дальше. Вам знакома гражданка Невельская?

– Да, я её знаю, она актриса театра, где работала Нина.

– Вам знакома гражданка Харитонова?

– Да, это подруга Невельской и Нины, она тоже актриса.

– Вы встречались с этими девушками, помимо театра, в более так сказать, домашней обстановке?

– Да, я часто бывал у Невельской, там собиралась хорошая компания из приличных людей. Там же я познакомился с Ниной.

– Кто ещё посещал вашу хорошую компанию? Перечислите всех приличных людей, что бывали там.

– Я бы не хотел этого делать, не хочу причинить людям неприятности.

– Вы забываетесь, полковник, мы с Вами не на базаре, хочу-не хочу. Вы под следствием и обязаны давать показания.

– Но, я не помню всех, там много кто был.

– А я Вам помогу. Второй секретарь райкома партии Волошин, инструктор того же райкома Семендяев. Профессор университета Рахальский. Зам. директора по снабжению ВСЖД Миловидов, дальше я, думаю, продолжите Вы, ну, я жду.

– Хорошо, хорошо, там бывали инженеры авиазавода Доренский и Мальцев... – Сергей Платонович назвал ещё, порядка пятнадцати человек. Но не то, что мы все разом собирались, кто-то приходил, кого-то не было, по-разному бывало.

– И, что же Вы в такой знатной компанией делали?

– Да ничего особенного, в основном отдыхали, веселились, пели.

– Разговоры разговаривали?

– Ну, конечно, как без этого, одними песнями сыт не будешь.

– Конечно-конечно, политика, международная обстановка, последний пленум.

– А, что пленум, – насторожился Миронов.

– Ну как же, сначала дискуссию по вопросу о деревне вели, вспоминаете? Ага, вижу, вспомнили. В другой раз, пленум обсуждали, особенно решение в отношении Бухарина и Рыкова, вспоминаете, ну как же, сами же говорили, что их арест чистой воды произвол.

– Да не я так говорил, это Рахальский, профессор, он же школу Бухарина еще в двадцать девятом посещал, хорошо его знает. Вот и посетовал, пожалел, но не так, чтобы уж осуждать решение Политбюро. Это Вы уж слишком.

– Разве, а вот Вы сами-то, что о линии партии по вопросу о деревне говорили?

– Я вообще сказал, что в этом вопросе полностью согласен с генеральной линией. Это Волошин и Семендяев теоретики, устроили дискуссию, не то, что против, просто чисто теоретически рассуждали. Они же с Казани, их Разумов, первый секретарь обкома в Иркутск кооптировал. Так у них там, в Татарии, свой особый взгляд был на крестьянский вопрос. А я в их дебрях, если честно, ни черта не понимаю.

– Замечательно, а что скажете на это, – и Синцов показал полковнику лист бумаги со сценарием захвата власти в одной империалистической стране.

– Так это Нина пьесу для театра писала, ну и попросила нас поучаствовать, чтобы всё правдоподобно было. Вот мы и написали, типа конкурса такого, как свергнуть тирана и установить диктатуру пролетариата. Это же просто творчество наше.

– И, ещё вопрос, Вы ведь лично знакомы с врагом народа Троцким?

– Ну, Вы вспомнили, это когда было-то, ещё в гражданскую, он тогда не был никаким врагом, а наоборот возглавлял всю рабоче-крестьянскую армию. Да и после гражданской, мы с ним ни разу не встречались.

– Ну что ж, тогда прочитайте и подпишите, вот Ваши показания.

Полковник прочитал, составленный помощником Синцова протокол, и поставил свою подпись.

– Переходим к факту номер три, – сообщил Матвей Фадеевич и зачитал медленно, но со вкусом два письма Нины Поповой в НКВД.

– Что скажете теперь? – Синцов посмотрел на, враз потерявшего весь свой настрой, полковника.

Сергей Платонович только пожимал плечами, что-то шептал себе под нос и качал головой.

Лейтенант госбезопасности выждал ещё минут десять, после чего хлопнул по столу, выводя полковника из ступора.

– Вы полностью изобличены и обвиняетесь в убийстве Повой Нины. Вы признаёте свою вину? – официально, с каким-то особым пафосом продекламировал Синцов.

Полковник Миронов только мычал и мотал головой.

– Вы, полностью изобличены, и обвиняетесь в создании объединённой правотроцкистской шпионской, террористической организации, ставившей целью организацию государственного переворота в стране, убийство товарища Сталина и членов Политбюро, реставрацию капитализма, продажу территории СССР японо-фашистским агрессорам. Вы признаёте себя виновным?

Ответа так же не поступило.

– Что ж не хотите по-хорошему, значит, найдём другие слова убеждения. Идите, подумайте, взвесьте всё. Дня Вам будет вполне достаточно, а ночью продолжим, но уже не со мной, вот с сержантом пообщаетесь. Я ему все необходимые протоколы оставляю. Если захотите во всём сознаться, милости прошу.

Туман поглотил следственный кабинет, а когда рассеялся...

Место действия и присутствующие персонажи были те же, за исключением сержанта ГБ, помощника моего героя. С предыдущего допроса минуло два дня.

Матвей Фадеевич встретил полковника Миронова, как старого доброго знакомого. На столе стоял дымящийся крепкий чай, лежали завернутые в газету медовые пряники.

– Сергей Платонович, добрый день! Как же давно мы не виделись, я уже скучать начал.

Миронов молчал, опасливо поглядывая на лейтенанта госбезопасности, и лишь слегка кивнул в ответ.

– Ну, проходите, проходите, что ж Вы, как не родной. Мне тут докладывают, что ведёте себя некультурно, материтесь на сотрудников, даже сопротивление оказать пытались, вину свою признавать не желаете. Это правда?

– Вы что издеваетесь?! – не в силах справиться с происходящим, сорвался арестованный, – Я уже двое суток не сплю, на «выстойке» был, так это у вас называется, в туалет не отпускали, обмочился вот, вы что же творите?! Спать не дают, мне плохо стало, упал, так этот сержант давай пинать меня сапогами, да больно-то как, по копчику, по коленям, по голени!

– Я в каком-то полубомороке стоял, а эти ваши помощнички, через каждые пять минут орут: «Сознавайся сука троцкистская!» Я уже ничего не соображаю, – не унимался полковник, которого будто прорвало.

– Ну и сознались бы, делов-то, расписались бы, где следует, и шли бы себе спатеньки, – благодушно, с искренним изумлением от непонятливости Миронова, ответил Синцов.

– Да не виноват я ни в чём! Не виноват!!!

– Ну, что Вы заладили, не виноват, не виноват, давайте-ка лучше чайку сладенького попьём, с пряниками медовыми, ах, пахнут-то как, аж голова кружится.

Матвей Фадеич подошёл к арестованному полковнику, усадил на приставной табурет рядом со столом, приобнял за плечи и ласково прошептал:

– Ну, Сергей Платонович, хватит вредничать, да перестарались мои помощники, допустили произвол, но их же тоже понять можно. Работа у них сложная, постоянное напряжение и физическое и нравственное. Думаете легко с врагами народа общаться, а им каждый день приходится, вот и очерствели.

– Вы бы чаю попили, да пряник-другой съели. Не виноваты и ладно, я Вас пытать не собираюсь, и ни к чему принуждать не буду. Давайте просто подискутируем, Вы согласны?

– Да, конечно.

– Ну, вот и отлично, чай-то пейте, вот, и пряничком..., ну вот и молодчина.

– Вы поймите, товарищ лейтенант госбезопасности, тяжело мне сейчас, девушку любимую дважды потерял. Первый раз, когда узнал, что нет её в живых. А второй раз, когда Вы письма её прочитали, почерк-то её. Как же она так могла, такую чудовищную ложь, клевету на всех нас написать? Как? В голове не укладывается.

– А вот мы с Вами, Сергей Платонович и разберём сейчас этот вопрос. Готовы?

– Да, давайте, раскройте мне глаза.

– Вы ведь полковник Красной армии, в Гражданскую воевали, убивать, наверняка, приходилось?

– Конечно, я в тылу не отсиживался, молодой был горячий, и шашкой и стрелял, всякое было, но ведь война, врага бил.

– Вот видите, врага. А враг этот, между прочим, такой же русский был, как и Вы. И родители у него были, и любимая, у кого-то жена, у кого-то дети, а Вы их шашкой. Понимаете к чему я? Нет?

– А к тому, дорогой мой человек, что это для Вас всякие там Волошины, Семендяевы и Рахальские своими были, просто запутались Вы, не разглядели скверну. А для Нины Поповой всё в один момент ясным стало, как услышала она эти антисоветские речи, поступки, партию позорящие, увидела. Поняла, что попала в ловушку, в шайку подлых бухаринцев. Что она могла сделать, раз оказалась одна, среди, вражеской нечисти?

– Но ведь, я же был, я же не враг, я же тоже эту правую оппозицию на дух не перевариваю.

– Так, а как же ей отделить Вас было, от этой своры-то собачьей. Вы же вместе со всеми были и в антипартийных дискуссиях участвовали, и с решением пленума не соглашались. Сами ей про Троцкого рассказывали. Что она про Вас должна была подумать? Когда её любимый человек оказался врагом народа? Ну, ошиблась она с Вами, но понять-то её можно.

– И вот представьте, обычная молодая девушка, ей бы любить, да семью завести, детишек нарожать, а здесь заговорщики. Вот и пошла она правду искать. А то, что Вас опасаться стала, так это её же подружки ей и напели. Вот показания Невельской, аналогичные дала Харитоновна. Слушайте выдержку.

– Я знала, что в моей квартире проводит конспиративные встречи правотроцкистская террористическая шпионская организация. Сама я в этой шпионской клоаке участия не принимала, но покрывала их, скрывала наличие этой банды от наших органов. Этой заговорщицкой сворой руководил полковник Миронов, тайный троцкист, получавший инструкции из-за

границы. Об этом мне рассказали активные шпионы и вредители Волошин и Семендяев. Они же и завербовали меня под угрозой смерти. Эти «казанцы» вообще на многое способны, я думаю, что именно они убили Нину Попову, убили по приказу своего главаря Миронова. Все, кто входил в эту организацию, подчинялись этой троице.

– И так далее. Понимаете? Я склонен Вам верить Сергей Платонович. Что Вы действительно не знали о заговоре, что Вас использовали втёмную, иначе какой смысл Вас подставлять, делать из Вас убийцу. Скорее всего, эти «казанцы» прикрывались Вами, прикрывались Вашим знакомством с Троцким. Так было легче вербовать своих сторонников, раздувать значимость и серьёзность собачьей стаи, приписывая ей политическую подоплёку. Понимаете, да? Из обычной поганой банды убийц и заговорщиков, хотели сделать политическую организацию. Поэтому Вас и держали «за своего» в этой компании, окружая ореолом загадочности и тайны.

– А, Вы, как коммунист, проявили преступную близорукость, не разглядели врага, позволили втянуть себя в эти гнусные интриги, позволили заговору расти и множиться. Стали игрушкой в руках подлых заговорщиков. И в этом, нет Вам никакого прощения, это тяжкое преступление, совершённое перед Партией, перед Ниной, перед другими обманутыми коммунистами. С таким обвинением Вы, как честный коммунист, согласны? Подумайте, я не тороплю с ответом.

Полковник Миронов думал. Его лицо выражало такую страшную потерянность и страдание, что казалось вся вселенская скорбь, накрыла этого несчастного человека. Наконец, решение было принято.

– Да, я признаю себя виновным, перед Партией, перед Ниной. Да, я совершил ужасное по своим последствиям преступление. Я не заметил врага, я стал его пособником. Я готов понести любое наказание, если Партия прикажет, я пойду на смерть. Но если я могу хоть как-то очиститься, хоть как-то помочь в изобличении этих сволочей, я готов на всё.

– Конечно! Разоружиться перед Партией, это минимум того, что Вы можете сделать. Ещё Вы можете, как искренне заметили, помочь изобличить этих нелюдей. Это поступок настоящего коммуниста, хоть и оступившегося, по своей глупости.

– Говорите, что делать.

– Чтобы вскрыть эту контрреволюцию, нужны веские, железные доказательства. А получить их не так-то просто. Суд должен видеть, что перед ним настоящий непримиримый враг, а не сбившийся с пути коммунист. Только тогда он будет уничтожен, только тогда будут искуплены напрасные жертвы, такие как Нина.

– Да-да, я всё это понимаю.

– Нам, да, что нам, Партии нужны Ваши показания, показания, скрытого троцкиста, которым руководят из-за рубежа иностранные разведки во главе с самим Троцким. Партии необходимо довести до суда, до простых честных коммунистов, что бухаринско-рыковская клика, уже давно перешла все границы. Встала на путь предательства Родины, объединилась с троцкистско-фашистскими шпионами и вынашивает планы государственного переворота, убийства членов Политбюро и товарища Сталина. Только так, в нынешних условиях, можно выкорчевать, выжечь эту скверну.

– Что ж, я готов, давайте ваши протоколы, я всё подпишу.

– Но этого мало!

– Что же я могу сделать ещё?

– Нужно идти до конца, нужно подтвердить всё на очных ставках, на суде, членам Политбюро, наконец, которые возможно будут проверять Ваши показания. Здесь не должно быть ошибки, не должно быть промаха, иначе враг победит.

– Хорошо, я согласен, пусть будет, как будет. Давайте ваши бумаги, буду подписывать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.